

ИНТЕРВЬЮ С В.Т. РЕПИНИМ / Запись 7 июня 1991 года /

Кассета № 1.

Репин: Вот я вчера только вспоминал своё дело... Часто вспоминаю его...

Вопрос: /после паузы/ А что вспоминается?..

Репин: Ну, допустим, своё дело. Как оно проходило. Моменты в деле. Всё-то дело - нет... Я сейчас вспоминаю, потому что... В мыслях?.. У меня нет такого, что вот, дескать, если бы я этого не сделал, - то... Нет-нет, нет. Такого нет. Вспоминаешь целиком, что как бы неправильно себя вёл. То есть не то чтобы неправильно себя вёл там на допросах, - нет. А неправильную жизнь там вёл. Это, как я понимаю теперь, от недостатка опыта, когда человек туда попадает. Но это во вторую очередь. Но а, во-первых, потому что так должно было со мною случиться. Потому что тюрьма, она так человека высовывает. Тюрьма - это как испытание...

Вопрос: Это понятно, а почему именно с вами это должно было так случиться?

Репин: Ну, во-первых, потому что так случилось. Это раз. Это во-первых.

А во-вторых, причины нужно искать, я думаю, оглядываясь ни год, ни два назад до ареста, а раньше. С моего рождения, я бы так даже сказал. Хотя об этом сложно рассказывать. Может быть даже, хотя я этого ещё не знаю, ~~мене~~ для ~~это~~ этого лучше, что так всё получилось. Не то чтобы я себя мордой в говно ~~это не совсем так~~ сам сунул, ~~и как бы~~. Это как бы грубо, но, может быть для меня так и лучше что-ли произошло, что вот так произошло. Потому что, если бы я, допустим, ну, вот не стали бы они вот так уж очень сильно хотеть раскаяния, эти чекисты, и для этого ~~делать~~ вот то, что они сделали вот с этими, с записочками, то я бы получил ~~и~~ свои десять лет, может быть, больше, чем десять, - ну, и всё, я бы в зону пошёл. А там... не знаю, ~~не~~ сложно сказать сейчас, может быть я стал бы там очень сильно из себя воображать Чего я, правда, особенно никогда не делал, конечно...

Вопрос: Воображать? - Загордился бы собой?

Репин: Да-да-да. Я знал таких людей, ~~и~~ которых это не то чтобы портило... Я конечно никому не пожелаю того, что произошло со мной... Это я так ... Это не суждения мои, как бы, рассуждения, а просто мысли, как бы. Потому что трудно сказать...

12-1-2

Вопрос: Так что, выходит, что хорошо, что всё плохо?..

РЕПИН: Нет. Я не скажу, что хорошо, что вот так всё получилось. Нет. Но, об этом может быть, даже так лучше. Сложно сказать. Ну, вообще абстрактно говорить сложно. То, что произошло, то и произошло. А то, что не произошло, того и не могло, видимо произойти в той ситуации, в которой я находился...

Вопрос: Как всё это началось, с чего? "Как вы дошли до жизни такой"? Я имею ввиду не конец всего.

РЕПИН: Да, это хороший вопрос. Я и говорю, что это всё надо начинать с момента рождения тогда. лично у меня это так точно. Я просто не буду на этот счёт распространяться и вспоминать своё детство, и как я родился. Именно так это всё связано. Это не в смысле оправдания какого-то моего.

Вот мол у меня так детство сложилось, поэтому я такой вот, нет. Другое дело, как я поддался вот на это на всё. Видимо была какая-то склонность к этому.

Я не имею ввиду раскаяние. Это было с моей стороны, вот тогда, когда я раскаивался, это было такой в общем-то игрой. Хотя это такая шумная была в общем-то игра. И она принесла некоторым людям неприятности и сложности даже. И Митяшину - я на него показания давал. И это уже не просто сложности. Он сел потом. Я говорю, что я неправильно себя вёл. Я неправильно там жил. Когда я попал туда, когда меня арестовали, я жил там как бы неравильной жизнью. Потому что я знаю, я беседовал потом с некоторыми людьми, бывшими в ссылках в ссылке был, - разговаривал там с некоторыми ребятами,

которые сидели, как сейчас говорят, по уголовным статьям, но это все относительно, то есть те люди, которые сидели не первый и даже не второй срок, просто и не третий. Мне было интересно. И потом здесь я разговаривал о том же с этими людьми. Тут очень важно, как себя вести. Это у Солженицына описано.

Когда человека арестовывают, когда за ним запирается дверь, то самым спасительным для него было бы - это забыть всё, что было на воле. Неважно, кто там у тебя - мама, папа, друзья, ребенок, жена... Если это всё забыть, ну, то есть полностью искажено, конечно, нельзя забыть, это невозможно, но не зацикливаться на этом. Это человеку очень поможет...

Вопрос: Валера, та "неправильность", о которой вы говорили, состояла только в этой зацикленности на тех, кто остался на воле?

РЕЛИН: нет, не только в этом. Потому что неправильно я себя вёл на следствии. Как я себя вёл в начале, в первый месяц и потом ещё два или три -
ну, то есть как? -
всё было хорошо отлично. Всё было хорошо. Потому что сначала я вообще не дал никаких показаний и даже не подписывал протоколов. Потом я стал их подписывать, просто подписывать, не давая никаких показаний. А потом -
потом они мне дали свидание с женой. А было это... Вот я рассказываю о том, как я дошёл до жизни такой... А потом было так. Они меня вызвали на допрос, и мне следователь Егоров говорит... А у меня, когда меня арестовали, дома осталась жена и ребёнок, которой тогда был год. Когда меня арестовали, ей был год и два дня. А я знал, что меня должны вот-вот арестовать. Это было видно. И "Волга" черная стояла, всё это было. Но как-то это всё неслось, потому что много было суевий с моей стороны. ещё на воле, особенно в конце. Вот. Да, вызывает меня следователь Егоров и говорит, что "Вот, Валерий Тимофеевич, тут ваша тёща приехала..." Мне-то перед тёщей тоже неудобно: у меня молодая жена, я ~~уж~~ недавно женился, и тут ~~жена~~ такие дела. Не то, чтобы неудобно перед ней... "Вот она хочет вас увидеть..." Я говорю: у меня нет желания её видеть. То есть я не говорю, что я не хочу её видеть, но особенного желания её видеть у меня тоже нет. Вот если бы я ; сказал это, я бы сказал, что я не хочу её видеть, и так бы вёл себя дальше, то, может быть... не знаю... Но я сказал, что если она очень хочет меня видеть, то я не против. Я не мог сказать, что я не хочу её видеть, мне это казалось нехорошо. Он говорит: " Ну ладно..." Прошло какое-то время, 15 минут или час, - я не помню, сколько. И меня повели в другой кабинет. Я вхожу в кабинет, и там не тёща моя, а сидит моя жена. Как говорит мой один знакомый, а мне самому сложно судить о том, что было на воле, когда я сидел, потому что я сидел; и вот он говорит: ~~жена~~ "Когда ~~я~~ узнал, что тебе дали свидание с женой, то я тогда уже предположил, что это очень плохо для тебя кончится. Потому что они очень мало кому свидание с женой во время следствия дают. То

12-1-4

есть это уже шло к тому, что они, давая это свидание, они его не просто так давали. Не потому что они что-то у меня просили за это свидание, а просто они знали, что это будет началом всей этой моей истории. И там сидит моя жена, которая вот... не то, чтобы она просила меня, чтобы я стал давать какие-то показания, но как бы она так вот намекала на то, что вот нельзя ли как-то мне себя вести... Ну, не так мол себя вести. Я не помню слов. Она меня не просила, не упрашивала. Но вот как-то так... При этом она мне сказала, что она с ребёнком в больнице лежала, и что у них бабушка умерла. Нет, что у бабушки рак. А я к её бабушке очень хорошо относился. Она была очень хороший человек. Я думаю, хотя про это я у неё, у жены, никогда не спрашивал, о чём они с ней говорили, когда свидание ~~дажли~~. Но всё как-то мне это было ~~очень~~ неприятно. А я в этом смысле человек ~~имен~~... Все эти новости они были мало приятны. Лучше бы мне этого было не знать, что у бабушки рак... Ну, ладно. И я так стал что-то там, не то чтобы показания давать, а я стал липовые показания давать, то есть я стал с ними играть. Вот это было уже таким настоящим началом этого, всего этого конца. Потому что с ними нельзя играть. И потом я для этой игры совершенно не гожусь. И всё это очень плохо кончилось. А потом я архив свой выдал. Я попросил одного человека, чтобы он отдал его. Это было в мае, уже через несколько месяцев. Это было не так, что он сам его сдал. Они его привели. Там есть такой оперативник, такой Георгиев, он и сейчас там работает. Вот они взяли моего знакомого с работы, одели на него наручники, конечно, без санкции прокурора. Одели наручники и привезли его. Ну, я ему сказал отдать архив. Да, это я им сказал, что архив у него. Это они называли его архивом а там было-то две коробки с макулатурой...

Вопрос: Ну, а что же там было всё-таки?

РЕПИН: Там был этот вопросник, шпионский якобы, как они его называли. Там была "Хроника" как-то. Такое всё, как бы нужное мне для работы. Архив - не архив, можно и архивом назвать. Были ещё какие-то книжки. "Архипелаг

12-1-5

"Гулаг". Я уже сейчас не помню точно, это всё в приговоре есть. Всё антисоветское. Причём там же была перепечатка Маритена - философа, её они тоже включили в список антисоветской литературы. Там была "Иванкиада" Войновича. Главное - это "шпионский вопросник". Я думал, что там уже всё подчищено, всё сожжено. Мне очень хотелось, чтобы это было так. Я конечно очень подвёл Натана Родзина, у которого он был на хранении. Он ^{велел} совершенно не при чём. Это я ему ~~нуждал~~ сдать архив. Он уехал сейчас. Думая, что там всё уничтожено - это же всё игры, успокаивал я себя тогда - я тем самым подвел Натана...

ВОПРОС: А он должен был это всё уничтожить?

РЕПИН: Нет, я не говорил ему этого, в том-то и дело. Но я так думал...

ВОПРОС: Это был вопросник Кронида Любарского?

РЕПИН: Да, это был вопросник с радиостанции "Свобода".

ВОПРОС: А можно на него взглянуть?

РЕПИН: Можно. Надо пойти в КГБ. У меня его, к сожалению, нет. Конечно я очень сожалею об этом, потому что очень хороший вопросник был.

ВОПРОС: Не осталось ни одного листика?

РЕПИН: Нет.

ВОПРОС: Как он выглядел? Что за вопросы там были?

РЕПИН: Несколько страниц машинописного текста. Были вопросы о зонах, о лагерях, о психушках. Явное социологическое исследование проводилось.

ВОПРОС: Кто его проводил на "Свободе"?

РЕПИН: Я не знаю, кто конкретно. Был там в то время уже Егор Давыдов. Он и сейчас занимается лагерями, собирает эту информацию... Начинался вопросник, я уже не помню, как... Но там были самые разные вопросы: когда зона основана? сколько там человек? были ли там когда-нибудь забастовки, голодовки? что едят? из ~~живых~~ чего едят? какие ложки? какие пуговицы на одежде?.. В том числе: сколько охраны в зонах? фамилии? сколько офицеров?

ВОПРОС: Зеки были в состоянии ответить на эти вопросы?

РЕПИН: Да, вполне. Всё это, как правило, известно. Но всё дело в том, что

никакого секрета эти сведения не составляют и не составляли по сути. В приговоре они утверждают, что эти сведения секретны, основываясь на справке, которую им, гебистам, дали из воинской части. И всё равно, даже если учитывать эту справку, нет там, в моём деле никакой 64-ой. Нет её там...

ВОПРОС: Валера, а вам удалось кого-нибудь опросить по ~~и~~ этому опроснику?

РЕПИН: Да, удалось. Кого? - Удалось опросить такого Иванова Анатолия. Он ^Гидал в Крестах. Потом Волохонского Лёву. Ермолов таковой в Москве живёт. Но у меня времени, честно говоря, на это не было. При этом политические зоны как таковые меня не интересовали, потому что в то время на западе жило столько людей, которые в них сидели, что это никому не надо было. А лишнюю информацию... - её чем меньше, тем лучше. Это всё нужно было потом отправлять туда на запад. А это было немножко сложно. ~~И~~

ВОПРОС: А ~~как~~ кто-нибудь ещё занимался опросами?

РЕПИН: Не знаю, я не могу этого сказать. Я никогда не спрашивал ни Давыдова ни Любарского об этом. Меня это не интересовало. Возможно они кому-то ещё присыпали эти вопросы. Я знаю, что сейчас кто-то в Москве этим же занимается. Вот был в Москве Валерий Абрамкин, по телевизору я видел не так давно передачу, так они там занимаются различными исследованиями зон. Это очень интересная тема. Но тогда у меня на это и сил не было, и времени.

ВОПРОС: То есть это был какой-то параллельный сюжет. А как он возник?

РЕПИН: Они прислали мне этот вопросник и попросили, чтобы я по возможности опрашивал людей по нему. Когда она была, я опрашивал, но особенно-то возможности у меня и не было, потому что на мне и так очень ~~жив~~ много висело всего...

ВОПРОС: Что конкретно? Что на вас висело?

РЕПИН: Много забот. Фонд висел. Надо было ездить, раздавать деньги...

ВОПРОС: Расскажите про Фонд подробнее, пожалуйста, всё это очень интересно.

РЕПИН: С Фондом-то всё очень просто. Был список политзаключенных. Я могу вам рассказать только о том, что было в Ленинграде. Как было в Москве - не знаю

ВОПРОС: Пожалуйста, расскажите как началась эта ваша работа? В чём она за-

12-1-7

ключалась?

РЕПИН: В начале всё было ж хорошо. Когда я познакомился с Лерой Лавыдовой, я начал ходить по её просьбам к разным людям. Меня и с ней познакомили в ... в каком же году? Вначале я не помню тех людей, к которым я ходил в самом начале. Я исполнял некоторые её поручения: кого-то я стал понемножку опекать. Кому-то деньги относил. И вот пока я ходил по этим людям - кому в магазин сходить, пол помыть, с детьми посидеть, - всё было хорошо. Вот если бы так оно и продолжалось бы потом, так это и надо было делать... Деньги - пришёл - отдал - и всё...

ВОПРОС: А чьи это были деньги тогда? Что вы об этом знали?

РЕПИН: Да, я знал всё это. Я знал, что это были деньги Солженицина, в основном, полученные за издание "Архипелага", вот как раз за это издание - Вермонт, 1980. Книга лежит на журнальном столике, за которым мы сидим /... В основном это были ~~жажажжи~~ эти деньги... Самое удивительное, что я эту книгу так до сих пор и не читал целиком. Один мой знакомый всё удивлялся, сел мол, за неё, и не знаешь всю - вот это да. Перепечатывал её всю, правда не один, а вместе ... Ну, не важно.

ВОПРОС: В машинописи?

РЕПИН: Да, это время я ещё застал. Оно, правда, уже заканчивалось, когда эти книжки перепечатывали на машинке. Вот это ещё для меня характерно. О фонде... Ну, что я знал о нём тогда? Я знал людей здесь в Ленинграде, которые были с ним тесно связаны. Это были очень хорошие люди. Серёжа Левин ^{Сергей Исаевич} меня познакомил с Лерой Лавыдовой. Потом я ещё в то же время ходил на несколько судов. Однажды прорвался я на суд такого Антуана Пипия. Это был то ли 76-ой, то ли 77-ой год. Это был НТСовец, который возле университета листовки разбрасывал. Я на этот суд пробрался. Так как я работал в газете "Ленинградский рабочий" ^{му} высказыванием, у меня было удостоверение, на где было написано "Пресса". Я показал это удостоверение. А меня дежурный спрашивал: "А у вас письмо есть от газеты?" - Я говорю: "Да, есть, но с собой сейчас

"его нет" А я увидел, что в зале уже сидел кто-то из "Ленинградской правды". Я сказал ему, что я их знаю, и он меня пропустил. Я там что-то записывал. На суде были представители бельгийского посольства, подсудимый был бельгиец. Они всё записывали на магнитофон. не знаю, зачем нужна была при Этом моя запись, но тем не менее я её отдал потом кому-~~шадо~~ было. А это надо было Володе Борисову, он ещё здесь жил тогда, он СМОТом занимался. Вот это я сделал тогда. И я не спрашивал, для чего это было нужно, я понимал, что это нужно отправить на Запад. Я всё очень быстро и сокращенно записывал, а потом, когда из зала суда вышел, расшифровал. Я не владею стенографией 2. Выполнял я поручения Леры Давыдовой, когда она меня просила. У неё было двое детей, ей сложно было, у неё муж, Егор, сидел. Я замечал ещё тогда, что гораздо хуже не тем, кто сидит, а тем, кто на воле ждёт тех, которые сидят. Именно им обычно очень тяжело...

ВОПРОС: Валера, а как вы вошли в этот круг? Через кого? Как началось общение с этими людьми?

РЕПИН: Меня познакомил с Лерой Давыдовой Серёжа Левин, насколько я помню. Сколько лет мне тогда было? – Это надо считать. Лет 25, нет, уже 26 было. А с Серёжей Левиным я познакомился через других людей, с которыми я работал вместе в редакции газеты "Ленинградский рабочий". Но об этом что уж говорить... Работал я выпускающим. В начале нравилось – лучше выпускающим, чем наборщиком. Вначале я работал наборщиком. Я закончил полиграфическое училище четвёртое. Но я туда совершенно случайно поступил. То есть всё как-то так складывалось, я должен был попасть в эту редакцию, чтобы потом вот... Не знаю, словно так говорить, конечно... Но ~~кажется~~ у меня такое ощущение, что всё это не то чтобы специально все делалось, но так как-то...

ВОПРОС: А что за редакция была? Что за люди там работали тогда?

РЕПИН: Начальником отдела у нас была Елизарова Света. Люди были очень хорошие. Познакомились мы. Таня Притыкина была. Мы с ней очень дружили. Сейчас мы не дружим, но тогда очень дружили. Вот. Я помню, мы с ней банку по-мидор съели вместе, вот такую здоровую, маринованных. Ой!.. Работали в

12-1-9

ночь - выпуск был. Рожи потом были все опухшие утром. Я не помню, Лена Русакова... нет, по-моему она там уже не работала... А Таня Притыкина занималась оформлением, я не помню сейчас её должность. Так давно всё было. Художник у нас был ещё, ретушер - Таня Дементьева. Там ещё корректором работала женщина одна. Не помню её имени. Потом оказалось, что она в 77-
на меня ом году донос написала. В своём следственном деле я видел. Да-да. А это было очень смешно. Это было тогда, когда опубликовали фанусную статью об отце Дмитрии Дудко. Огромная такая статья. И вся о том, какой он плохой. А я зашёл в корректорскую, а там как раз разговор об этом был. Ну, и сказал, что мол, горить "правда-неправда", когда никто, по сути, не читал произведений самого Дудко, никто с его мнением не знаком. А просто так верить газете нельзя, конечно. То есть всё же это было в защиту Дудко сказано. Лет мне было 26-27. Особым умом я не отличался...

ВОПРОС: Умом или осмотрительностью?

РЕПИН: И тем, и другим. А про осмотрительность как бы и речи вообще не было. В этом смысле я никогда осмотрительностью не отличался. Может быть, только когда с иностранцами встречался и когда свой архив ~~и~~ ~~прятал~~, А так -нет. И вот сколько лет уже прошло... А там, в доносе, написано, что я высказывал антисоветские взгляды и убеждения, защищал Дудко. И подпись. Забыл я её фамилию. Но меня это тогда очень удивило, это было одним из моих очень больших удивлений там. Потому что когда я вышел, освободился, я ещё больше стал удивляться, но уже самому себе. Причем такие отношения у нас были с корректорами "Танечка - Валерочка"... Они не были дружескими, близости душевной не было, но всё же были очень хорошиими. А дружил я только с Таней Притыкиной и со светой Елизаровой, больше ни с кем. Но при этом практически со всеми отношения у меня были хорошие.

ВОПРОС: А донос этот вы прочитали в своём следственном деле?

РЕПИН: Да, там.

ВОПРОС: Он был единственным?

РЕПИН: Да, ничего подобного больше, кажется не было. Мне это было даже

12-1-10

как-то смешно. Такой давности донос в моём деле. Просто смешно было тогда.

ВОПРОС: А как он выглядел? Был ли он связан с другими материалами в деле?

РЕПИН: Я не знаю, может быть они допрашивали её по моему делу. Протоколов её допроса я не видел в деле. Нет, по-моему.

ВОПРОС: Он был датирован?

РЕПИН: Да. Вот она на меня такое написала. Зачем? Когда? Сразу ли? Я этого не знаю.

ВОПРОС: То есть, как я понимаю, из ваших слов, документ из оперативного дела они подали к следственному?

РЕПИН: Да, наверное. Но выглядело это очень странно: человеку, которого судят за шпионаж, предъявляют обвинение в том, что он 20 копеек у кого-то украл... Это смешно, — [?]правда.

ВОПРОС: Наверное, это было доказательством так называемой систематичности, ваших взглядов ^и антисоветских? Так они выстраивали обвинение по 70-ой?

РЕПИН: Возможно им это надо было... Вот мол ещё когда всё это началось... Кто их знает?... Но самое потрясающее там другое.

ВОПРОС: А что?

РЕПИН: Да всё дело само по себе. ~~Мне~~ Меня спрашивала покойница Нина Сидоровна Исакова, судья, она меня спрашивает, чего это я так быстро начал каяться...

ВОПРОС: Это у вас приговор? Можно посмотреть?

РЕПИН: У них там такой tandem был — Исакова-Катукова. Как брат и сестра... Я ещё чаю поставлю...

Так вот. Катукова меня однажды спрашивает, как я "дошёл до жизни такой"? У вас же, говорит, никого не расстреливали? Никого не репрессировали? А ей сказал, быть может, даже несколько через чур, знаете, говорю, но в общем верно: "Мандельштам или Пастернак, — они бывают зачастую ближе родственников. А вы этих и им подобных людей и убивали, и травили всячески. Так как я дошёл до жизни такой — постепенно. Я этих людей очень уважаю. Не уважать

12-1-11

А вы Брежнева уважаете, который себе всю грудь увешал... "Ну, вы знаете, мы-то, конечно, понимаем, но это всё делается для Запада - народ его люби значит, уважает," - Это Катукова. На суде она у меня выступала больше в роли защитника. Они с официальным защитником Ивановым как бы ролями поменялись. Скорее он был обвинителем. Это всё относительно, конечно. Она долго очень выступала, много говорила...

ВОПРОС: Вы сказали, что освободившись, вы начали себе удивляться /?

РЕПИН: В силу того, что произошло... /Перерыв в записи/ ... Что значит "неделя совести"?

ВОПРОС: Не понимаете?

РЕПИН: Не понимаю... / Далее идет мой - Т.К. - рассказ о выступлении

РЕПИН: Так легче... Б.Митянина на "Неделе совести" в 1989 году/

ВОПРОС: Что значит легче? Что заслужил - то и получаешь, так?

РЕПИН: Да. Если бы никто ни на кого никаких показаний не давал - никто бы не сидел. Я знаю одного человека, я не буду называть, кто это. Этот человек участвовал в моём деле очень активно. Так вот он говорил мне потом, когда я освободился: да, брось ты, вот все они от тебя отвернулись... А этот Митягин - да он бы и так сел... Кто тебя осудит? Кто осудит - не так важно, это-ладно. А вот если бы никто ни на кого никогда никаких показаний не давал, - никто бы не сел. Вот это говорит о том, что этот человек ничего не понял в деле моём, хотя он принимал в нём очень активное участие. Нет, я не буду его называть. Зачем? - Нет, не надо.

Мне-то если и обижаться на кого-то, то только на себя. Ну, может быть на этих чекистов. Но ^{на} них чего обижаться - они такие всё время были. С 17-го года. Другое дело в том, что у меня к ним не было такого отношения, как сейчас. Хотя я видел страдания, причиненные ими многим людям. Лера Давыдова всегда была заплаканная... Но у меня не было такого неприятия их. Может быть потому, что я их до того никогда не видел. Отношение к ним сложилось, когда я прошёл через всё это от начала до конца. Они и сейчас такие же, как в 17 -ом году. Просто сейчас они довольно заевшииеся. И кро-

12-1-12

ви давно не лили в большом количестве. Но если надо будет, то они ...

Хотя вот вы знаете, что ещё меня сгубило... Вот идут-идут допросы. Один за другим всё время, всё время, всё время. Очень трудно, когда нет опыта. Да ещё и ума аналитического. Но я думаю, меня очень подвело и то, что мне веры не хватило там. Если вера слабая, то - всё. Я имею виду не в дело, не в идею, не в дело борьбы. Просто вера.

ВОПРОС: В себя?

РЕПИН: В бога.

ВОПРОС: А в себя?

РЕПИН: А как это в себя? Вера только в бога может быть. В себя какая вера может быть? - Не знаю. Всё остальное просто так.

ВОПРОС: Но вера в бога была у вас в то время?

РЕПИН: Да, она была, но её оказалось не достаточно... Я беседовал с людьми когда вышел, я уже говорил об этом. И я понял, что там есть два способа сохранить себя. Первый - когда человек, что называется, "в законе". Он знает, что допрятывает его мент поганый, чекист, его враг. Независимо от того, что совершил или чего не совершил этот человек. Он знает, что перед ним сидит враг, тем более чекист - они и психологически подготовлены, и дело один чекист ведет год, целый год одно дело - он знает, что перед ним сидит враг, который желает ему зла, он хочет его посадить. И не только ему, но и его близким и всем-всем-всем. И он начинает вести себя соответствующе. Его уже ни на что не купишь. Ни "добрый", ни "злой" следователь с ним ничего уже не делает. Если это только настоящая позиция, а не игра. Была такая книжка "Как вести себя на допросе?", "Как вести себя на обыске". Но такая позиция не для каждого подходит. Вот Володя Норец - человек верующий, глубоко верующий - у него была другая позиция. Он с ними ни в какие игры не играл, естественно. И не пытался играть. Но ненависти, я думаю, он тоже к ним испытывать не мог, потому что он человек верующий. Это тоже исключено. Но он спасся. Тюрьма - это испытание, которое человеку даётся. И если он его выдерживает, то это хорошо. Если не выдерживает, - это не очень хорошо...

ВОПРОС: Говори только "да" или "нет", а всё остальное - от лукавого?

РЕПИН: Да. И ещё - "не лжесвидетельствуй". А у меня - не то чтобы они меня заболтали, но как-то... У меня сразу был седователь "злой" и "добрый". Я так и сказал: вот вы, наверное злой, а вы - добрый. Так и было.

ВОПРОС: Но вы же не оговаривали никого специально?

РЕПИН: Почему? Митяшина я не оговаривал... Нет, я лжесвидетельствовал. У меня есть магнитофонная запись, плёнка с моим раскаянием. Надо её найти. Я дам вам её, если хотите. Там текст был такой - на 18 страниц. Длинный. Можно послушать. При этом ведь не имеет значения, что эти люди практически не могли пострадать, так как жили за границей. Это Егор Давыдов. Кто там ещё?.. Но какое я имел право называть того же Наташа? - Никакого. И не имеют никакого значения все мои размышления, о том, уничтожен архив или нет. Да если бы он был уничтожен, для Наташи это было ещё хуже даже. Конечно я предполагал, что ему ничего за это не будет. Да, можно говорить сейчас: подумаешь, его же не посадили. - Это не я так говорю, нет. Это значения не имеет. Не было у меня права называть его имя. Так значит, это то, что касается архива. И там был тот самый опросник. Но экземпляр вопросника у них уже был. Они ещё до моего ареста уже всё знали. Этот вопросник был у некоего Иванова. Есть такой Толя Иванов - йог. Сейчас везде афиши висят. В ДК им. Дзержинского очень любит выступать. У него оказался вопросник.

ВОПРОС: Откуда?

РЕПИН: Трудно сказать. Что пусть он сам скажет, откуда. Откуда у него оказался вот этот вопросник, который они изъяли? Я не хочу здесь сейчас ничего говорить. Он утверждал, что это я ему дал. Я его дать не мог. Даже если предположить, что я забыл о том, что давал его, то именно тот вопросник, который оказался у него я дать ему не мог. Тот вопросник, который был у меня, который они изъяли, привёл ко мне диппочтой, американские студенты привнесли его. Целую пачку. Вопросник радио "Свобода". Несколько ксерокопий. Так вот экспертиза показала, что оба вопросника - тот, что был у меня в ко-

12-1-14

робке, и ивановский, - сделаны с одного экземпляра. Но мой - на западной бумаге, а Иванова - на советской. Откуда он у него, а потом у них? - Я думаю, что чекисты знают об этом.

ВОПРОС: Какое отношение имел к вам в то время Иванов?

РЕПИН С Толей Ивановым такая штука вышла. Лера Давыдова уехала в ссылку к мужу. Я остался один распорядителем фонда. Когда они вернулись, Егор стал собирать информацию о том, кто где сидит по политическим статьям. А Толя Иванов сидел в то время в Крестах по 190 -ой. В Крестах он отбывал наказание, он работал в хозобслуге. Это я не к тому, что в хозобслугу просто так не берут, это я уже потом узнал всё. С людьми, которые работали в хозобслуге, с ними лучше вообще никаких дел не иметь. Я этого тогда не знал. Никто мне этого не говорил чётко и ясно. Может быть для Егора Давыдова это было абсолютно ясно, и он мог считать, что и мне это ясно. Но я этого не знал. Я не утверждаю, что Иванов стукач. Но это как и с наркоманами - лучше дела не иметь. Все они висят на игле. Примерно также и с этими из хозобслуги. Дел не иметь. Егор написал письмо в Кrestы - получил ответ. И уехал. А Толя Иванов освободился через некоторое время. Пришёл ко мне. Я ему книжки какие-то дал почитать. 190 ^{аве} - чего там. Тем более я этого особенно и не боялся. Конечно, каждому прохожему я их читать не давал, у меня их так особенно и не было. Потом я его спрашивал о Крестах, то что было интересно и мне, и Давыдову. Я дал ему книжки, он их долго держал и вернул в тот день, когда меня арестовали. Рано утром, чуть ли не в 6 часов пришёл от него человек, который был на химии. И его потом сразу же освободили, когда я там... Так что если сегодня говорить, это всё было подставлено. Это была самая настоящая подставуха. Он мне их вернул. Через этого человека, которого я не знал, через две минуты после этого человека пришли чекисты. И он мне вернул всё, что я ему давал, кроме вопросника. Но я ему его и не давал, поэтому он мне его и не вернул. А у него вопросник изъяли чекисты на обыске потом. Стацил? Но у меня он не мог этот ~~дело~~

12-1-15

вопросник стащить, потому что я его не размножал. Где он его взял? - Это его дела...

ВОПРОС: Валера, а вы не пробовали никогда писать об этом?

РЕПИН: Нет, у меня как-то с текстом напряженка болытая. Я может быть напишу когда-нибудь, но не сейчас. Я не писатель, я читатель. Я никогда не писал. Письма какие-то, когда был влюблён, писал, дурацкие детские письма. Это вот было. А так я не пробовал писать никогда. Человек пишет тогда, когда ему есть что сказать. И когда он может это изложить.

ВОПРОС: А дневник вели когда-нибудь?

РЕПИН: Нет, почти никогда. Не вёл и очень жалею об этом, потому что я иногда не могу вспомнить о чём-то, два года назад это было или три. Когда-то я пытался что-то такое заводить вроде дневника, но это было очень давно.

Очень много я хранил всего у своей мамы. И они туда даже не сунулись. Они туда сунулись, когда там очень многое было сожжено. Им настолько не важно это было в моём деле, ~~какая~~ кроме вот этого вопросника. А если бы у них не получилось с моим архивом, они бы взяли этот же вопросник у Толи Иванова. Взяли бы его за основной. Это у них безусловно специально было сделано. Им надо было, чтобы я раскаялся.

ВОПРОС: Раскаялся или раскрутился на всё?..

РЕПИН: На фонд. Им надо было то, что они в конце концов и получили. А где что лежит, сколько у меня антисоветских произведений, это их особенно не интересовало. Ну, чем больше, тем лучше - будет солидней приговор. А ссылаясь на одну книжку "Архипелаг Гулаг" - это не серьёзно...

У меня уже была 64-ая. Я не помню, когда они её предъявили? Летом. Но вину я свою не признавал всё равно. Они чего только не пробовали. Много чего было. Они, Георгиев-оперативник, говорил что, мы вашу жену посадим. Но это уже так - мелочи. "Вы не думайте, что вашего ребёнка ваша тёща будут воспитывать /жену-то они как бы посадят/ - мы его отадим в детский дом." То есть вот всё, что у Солженицына, - всё очень похоже. Что там ещё они говорили? Да, жена у меня мол гуляет. Правда или нет - не важно, ~~они~~

12-4-16

но они знали, что это будет мне неприятно. Потом они мне сообщили, что у меня брат умер. "Вот у вас несчастье такое дома произошло, у вас умер брат". У меня была истерика такая... У меня три раза в жизни были такие нервные стрессы. С рыданиями, со всеми делами. Два таких очень сильных, а один - не очень. Первый, когда у меня умер отец, и мне сказали. А второе - когда умер брат. А третий раз, когда я читал отрывки из книжки Гроссмана "Всё течёт". Там речь идёт о голоде. Я эту книжку всё время ищу и никак не могу найти. Вот у меня было, когда я это прочёл. Это сложно объяснить, видимо под настроение попало. Трудно сказать. Вот они мне сообщили, что брат у меня умер. А брат как умер? - Брат умер так. Этот брат, Илья, или может быть, Вася, помогали мне один раз отнести к машине какие-то коробки. Никто, ни мама, ни они не знали, чем я занимаюсь. Никто ничего не знал. Я попросил брата помочь. Они были тяжёлые. Мало ли что там у меня может быть в коробках. И он мне отнёс. И я даже не помню, кто это был: Вася, который сейчас с мамой живёт, или Илья, который умер. Они вызвали Илью. Я не помню, когда это было. Можно вспомнить. Надо у мамы спросить, когда он умер. Вызывал его такой... Там есть такой, я его видел один раз... Молоденький такой был тогда, усатенький. Розовощёкий... Если бы я знал тогда, что это он, я бы, конечно, табуреткой ему дал по голове. Но я этого не знал. А может, и не дал бы, мне трудно сказать... Вот. Причём, я думаю, что так бы дал... Не знаю, я так рассуждаю, что ему надо было бы дать. А было вот что. Он его вызвал на допрос. А Илья рабочим работал, армию отслужил, работал на ЛОМО, по-моему. Он вызвал его на допрос и начал /-это мне рассказывала мама⁴ моя; естественно/ говорит⁴: вот, вы брату помогали коробки выносить. Что там было? Короче, - Илья сказал, что "я ничего не знаю". Этот протокол есть в деле. Если бы я знал, я бы, конечно, этот протокол запомнил бы. Он сказал, что ничего не знает. Он честно сказал. Следователь начал ему угрожать, что раз так, то "у тебя брат сидит, мы и тебя посадим". Нет, я понимаю, если бы это он... Он же видит, что перед ним сидит простой работяга. Советский. Который если не знал, так и

12-1-17

не знал. Тут и психологом-то быть не надо. Вот. Илья пришёл домой. И вот так его трясло всего. Я понимаю, что если бы вызвали человека, который был действительно связан, и ему начали бы угрожать, что его посадят за то, что он не знает. - Это смешно всё. Правильно? А он ~~же~~ пришёл домой, его трясёт. - "Мама, меня посадят. Мама, меня посадят" Вот. И ночью он умер... У него в детстве была астма. У Ильи. Ну, и как бы есть такая версия, что... А умер он, ему было... Сколько же ему было лет?... 82-ой год? - 55-ый - Значит, ему было 27 лет, да? Вот. Я же ничего этого не знал, как всё происходило. "Умер" - умер. Что умер? Сердце? Или ещё что? А говорят, что астматики некоторые в это время умирают как бы. Сердце испорчено астмой. Ну, и вроде бы врачи на вскрытии говорили, или это гебисты говорили, что "он бы и так умер". То есть, вот "он должен был умереть". "Обязательно умер бы". Это хорошо, так вот - человек один другого убил, а потом говорит, что, знаете, он и так бы умер, у него сердце большое было". Они не знали, что он умер. Они позвонили домой маме, и говорят, что пустяк, мол, второй брат придёт на допрос. А мама у меня человек простой, она им всё сказала, что она по этому поводу думает. Мама сказала, что они очень засуетились, но спросили, где он лежит, в каком морге. Я, например, считаю, что они его... Просто они его убили, и всё тут. Что значит он умер? Справка от врача? Что значит справка? что он бы и так бы умер? Он что, в больнице лежал всё время там? Ему плохо было? - Он работал. Ничего особенного, не жаловался никогда. То есть, может быть, он и умер бы через два дня. Может быть. Этого никто не знает. Но умер он после этого допроса. Причем он ~~же~~ пришёл домой, он весь трясся: "Мама, меня посадят. Мама, меня посадят". Потом мама была там, когда я ещё сидел. Следователь такой есть - Жирлицин - такой вот, который "добрый" такой. У него всё время словари лежали на столе, потому что видимо, у него с языком было очень плохо с русским. И он тогда маме говорит: "Да, он, мол, у нас уже не работает." Соврал он. Так вот. Вот такая ещё история у меня была в деле. Поэтому вот, они не мне больше страдания

12-1-18

принесли — какие там у меня страдания, — это ладно, это я больше принёс... А вот матери моей. Она ещё и за меня переживала. И вот это ещё... А дело в том, что она Илью очень любила, он младший был. Вот она и сейчас ещё. Сколько лет прошло — девять лет — всё равно она иногда так плачет, когда вспоминает его. Но вот, несмотря на все, моя мама... Там была такая история...

У меня у мамы хранился чемодан с адвентистской литературой. Он лежал, ну, куда мне его девать? Он лежал у мамы. А Серёжа Левин, насколько я знаю, он этот чемодан увёз оттуда. И увёз — и увёз. И они маму мою вызвали на опознание: "Этот ли человек увёз чемодан?" Ну, мама-то знала, кто увёз. Там посадили Серёжу Левина и ещё двоих человек. И мама моя сказала, что это не он. Несмотря на то, что она, вроде бы, простой человек, а она вот так поступила. Очень хорошо, что она так поступила.

ВОПРОС: А Левина допрашивали по вашему делу?

РЕИН: Левин там у них давно уже проходит как такой "глупый человек". Потому что, когда Егора Давыдова сажали, а это было очень давно, в начале 70-х, то тогда был следователь, он говорил: "Левин — это глупый человек". Дурак, короче. Я знал эту фразу. И тут мне Кирлицын: "Ой, Левин — да это глупый человек". И мне так смешно стало. Столько лет прошло, а он у них так "глупым" и остался. Он с лестницы столкнул одного чекиста, того же Георгиева. Тот пытался в квартиру войти, ногу просунул в дверь, Сергей его столкнул. Вот когда их сталкиваешь, они всё прекрасно понимают, они реагируют на этот язык. Но я не себя имею ввиду. Правда, я посыпал участкового, но потом уже в ссылке. Они это прекрасно понимают. Причём когда их посылаешь за дело, а не просто так. А Серёжа Левин — человек, который никогда ни на какие компромиссы не шёл, знал многих, со многими работал. Они были очень злы на него. Да, они и на маму стали орать тогда на опознании, почему она его не узнала?

ВОПРОС: А его тогда не посадили?

РЕИН: Нет. Посадили только одного Митянина. Никого больше не посадили. А

12-1-19

Левин - конечно... Ну, какой разумный человек будет оставаться на своей точке зрения, имея всякие неприятности от них, угрозы, постоянную возможность ареста. С их точки зрения, умный человек вряд ли сможет жить так. Вот они его и считают "глупым человеком". А основное его орудие - это голова. Знает несколько языков. Он живёт по-прежнему в Ленинграде, мы с ним недавно вместе работали в котельне. Сейчас уже в котельнях таких людей не осталось, потому что очень мало платят. Это раньше было очень распространено - работать сторожами, в котельнях. Если вы захотите, то, может быть, он расскажет о том, что здесь на воле было, когда я сидел. Я -то всё равно рассказываю об этом с чужих слов. Он знает больше, чем я. Он довольно критически всё оценивает. У меня ещё есть - и я вам дам потом - я, , освободившись что-то вроде показаний снял со своей бывшей жены, о том, как они её держали под домашним арестом. Я найду это для вас, я забыл. Они её рукой записали. Я на всякий случай взял это...

Ну, ещё мне не очень повезло, хотя я и сам хороший, но мне не очень повезло с характером жены. Она всё же вела себя не так, как надо было. Я её, естественно, не осуждаю, но там были свои иные нюансы... Много причин, конечно, было... Выражение себя всей жизни так как на должно быть для того, чтобы она себя неправильно вела... Ну и характер у неё непростой.

ВОПРОС: Она сейчас уехала?

РЕПЧ: Она в Москве живёт. Когда я из ссылки вернулся, мы с ней сразу же развелись. И она уехала в Москву, там вышла замуж. И вот сейчас они собираются уезжать в Израиль, но всё никак не уедут. Но вроде бы всё на мази у них.... Ребёночка моего увозят... Лизу мою... Так что вот тогда я пытался сохранить и семью и ребёнка... Подсознательно, явного стремления у меня не было. Есть же ещё какие-то подсознательные вещи, которые человек, совершающий какие-то поступки, не понимает. Он не понимает, что именно это им и движет в основном. И себе-то он может что угодно заявлять. И другим-то же, Так получилось, что и семью я не спас, не сохранил, хотя этого и не было

12-1-20

в чистом виде. Не было ~~+~~ "Я поступил так, потому что..." или "Для того, чтобы..." Любой нехороший поступок - подлость, предательство или ещё что-то - только в кино совершается в течение пяти минут. А на самом деле эти и какие-то другие вещи, они совершаются постепенно... Не то, чтобы падение человека - такового вроде бы и не было, падения... Немножко иначе было всё. Ну вот, человеку хочется, чтобы срок был поменьше... Кстати, об этом тоже не надо думать никогда. Я-то не думал, что у меня в результате будет срок поменьше. Я считал, что получу свои минимум 5-6 лет. У меня с ними не было никакой торговли. И они ~~этих~~ слов не произносили: "Вас устроит 5-6 лет?.." Этого не было. Я не знал, сколько я получу. Когда меня арестовывали, я думал, что у меня будет 190-ая. Обычно, когда арестовывает КГБ, то это уже 70-ая. Но вроде бы один или два случая были, что по 190-ой арестовывал сам Комитет. Та же Цуркова Ира, у неё была ~~а~~ статья 190, а арестовывал её КГБ. Правда это было после меня. Но и я в первые дни думал, что у меня 190. Хотя вот тоже, ну, какая 190?.. Уже была 70-ая. Ну, ладно. Я поехал, поехал... Первые два-три дня Я там просто отсыпался. Был маленький грудной ребенок.

У женин молока уже к этому времени не было. А я ночью вставал, его кормил. Я был в недосыпе в жутком. А потом я смылся с этими условиями. Так особенно ~~не~~ не переживал, что я получу лет так 5-7. Ссылку я вообще не считал за наказание, хотя это неправильно. Я не знал этого. А потом, когда они стали мне 64-ой сначала угрожать. Егоров мне месяца через два начал говорить: "Что там ваша 70-ая! Тыфу! У нас тако-о-о-ой есть документ!.." Я думал: "Вопросник. Вопросник, какой ещё документ может быть?.." Так и оказалось. Это они изъяли у Иванова. Я сначала не верил в эту 64-ую, вообще в голову как-то не брал. Какая там 64-ая?..

А потом, когда мне 64-ую всё-таки предъявили, мне дня два или три было очень неприятно. Я ничего не ел. У меня когда возникает что-то очень сильное, я обычно сплю. Я спал. Потом и это у меня прошло. Я думал тогда: "Ну что? Отсиджу я лет 10-12, выйду. Будет ~~ужинки~~ мне уже 42 года?.."

12-1-21

А об вот не надо никогда думать. Надо жить там в тюрьме тем временем, в котором живёшь в данный момент. Да и потом всё было вроде бы ничего. 64 - та 64-ая. И всё... Правда они продлили следствие - девять месяцев кончились. В сентябре они его продлили ещё дальше. Хотя причин для этого не было. По сути следствие было закончено; всех допросили обо всём, всё было готово.

Ну и вдруг 23-го или 24 -го сентября, не помню уже точно, Репин написал заявление, что он решил покаяться. Следователь тут же из себя изобразил: "Как? Ах-ах-ах!..Правда, да?" - "Правда." Как будто он не знал ничего об этом.... А было это вот каким образом. Это можно спросить у кого угодно - там всегда сидят подсадные утки. Наседки. Всегда. У меня их было несколько. Все они сидят с разными задачами, не только для того, чтобы узнать, где что закопано, к примеру, или ещё что-то вроде этого. В моём деле им не это было нужно. Как правило, со мной они сидели для того, чтобы создать определенное, заданное настроение. Один такой сидел со мной - у него детишки, фотография стояла...

Тут ещё что со следователями было. Я отважусь. Оба они периодически - и "добрый" и "злой" - на допросах обязательно говорили с женой по телефону. Обязательно раздаётся звонок, и - как дети? Как семья? Что в магазине купить. Это всё было продумано. Это была тактика, один из приёмов давления. Всё, что было у Солженицина, всё было в моём деле. Я думаю, что это в каждом деле было, наверное, в той или иной степени. Ну, может быть, не у всех бывает, что брат умирает после допроса в КГБ. Это вот не у всех... Разного рода гадости были. Причём так методично...

ВОПРОС: Валера, о наседках.

РЕПИН: Так вот. Как получилось всё с этим раскаянием. Я не помню, когда, - в июле или в августе он стал со мной сидеть? Такой... Как же его фамилия?.. Может и даже скорее всего, это была его ненастоящая фамилия. Прибалт такой. Евиньш. Посадили ко мне человечка такого... Его ко мне или меня к нему, - не помню. Скорее - его ко мне. Было ему лет 50-55, трудно сказать точно.

42-1-22

Месяц, наверное, мы с ним просидели. В августе я с ним стал сидеть. А с днем уже всё ясно к тому времени. Ничего особенного я не называл тогда, кроме архива. ничего. Дело было закончено. Правда 64-ая не очень натягивалась как бы, но тем не менее была мне предъявлена. А раз они предъявляют, чтобы они при этом сняли, — такого не бывает никогда... Ну, вот этот Евиньш. Выяснилось, что он сидел когда-то за то, что он был "лесным братом". Мне же это тоже интересно. То-сё, пятое-десятое... Вот уж в камере друзей заводить, конечно, не надо... В камере, раз ума-то нет, — лёг на тюнку, отвернулся и лежи. И нормальный человек — сосед твой — никогда к тебе не будет иметь претензий. А если будет — или он стукач, или дурак. Одно из двух. Это во время следствия. А тут — "лесной брат" — ну, вообще! Свой человек!... Потом

Потом он начал с воли записочки получать. А это довольно распространено. Даже Сеня передавал записочки Наташе Рогинской через меня тоже. Из Крестов. Я не знаю, что это были за записочки. Их передавали через Толя Иванова. И Сеня писал эти записочки. Но у него, в отличие от меня, в голове есть что-то. И я их отдавал Наташе Рогинской...

ВОПРОС: А как это возможно?

РЕИН: Ну, из Крестов-то можно было в принципе. Через охрану. Можно. У Толи Иванова остались связи с тех пор, когда он сидел в Крестах и работал там в хоздобслуге. Он йог, кого-то лечил. И вот через его людей Сеня через меня, а я через них передал несколько записок его жене, Наташе Рогинской. И вот у меня вдруг всплывает такая возможность. Евиньш получает записки. И мне предлагают написать через его канал записку жене... И не знаю, может быть я уже устал от следствия, все эти стрессы. Да они ещё сказали вскоре, что у жены всё же умерла от рака бабушка... Много чего было. Короче, получает о^н записки от своих. А сам он шёл по контрабанде, но при этом был когда-то "лесным братом". А для распорядителя Фонда это не пустой звук, — почти родственники. Вот. Ой!.. Вот уж если Бог захочет чело-

12-1-23

века наказать, то разум он у него точно отнимает. Тут ничего не скажешь. А с разумом ещё кое-что и остальное...

И оказалось, что вот этот его друг, который писал с воли ему записки, слышал про меня. И передаёт мне привет. Ну, как же! Это хорошо!.. И потом, оказывается, он не только про меня слышал, но и знает некоторых моих близких друзей. Ну!.. И что "всё хорошо". И не просто знает их, а эти друзья ещё через него "передают привет". И просят меня в добавок ко всему, чтобы я "старался получить срок поменьше". Любят меня, дескать, мои друзья. А друзья эти не кто-нибудь, а Веня Иофе... И там перечислялись люди, которых я всегда очень уважал.

Потом этот же человек сходил к моей жене. И она мне написала. Она написала мне ответ на моё письмо. Я писал, что я мол, жив-здоров, всё нормально. И он мне принёс от жены ответ. И он был настоящий. Потому что, хотя я и знал её почерк, но я попросил жену повторить фразу, которую она сказала однажды практически наедине. Мы встретили у Московского вокзала Серёжу Лидолина. И тогда у телефонной будки она сказала мне эту фразу. Нас никто не мог слышать. Никто, кроме неё не смог бы её воспроизвести. И она повторила её. Это было что-то вроде пароля, что ли.

но почему-то жена моя эти записочки никому не показала ни Вене, ни Серёже Левину. Но тогда она уже со всеми испортила отношения. У них не было отношений к тому времени. К сожалению. Если бы сохранились отношения, то феничка с записочками и не прошла бы. Не знаю, чтобы они уж там стали делать. Какие записочки в КГБ? Через кого? Только через чекистов.

ВОПРОС: А как же записки Рогинского?

РЫИН: Тоже через чекистов. Они их смотрели и же отдавали. Да там и не было ничего, я так думаю.

Вот и там дальше в этих записочках приветы, пожелания... А есть вещи, которые человек должен решать сам. Когда он этого почему-то не делает, то это приводит к очень печальным последствиям. Когда человек сам лично решает

12-4-24

ет, то и отвечать приходится потом самому же. А когда он начинает прислушиваться к советам - всё... Ну вот, несколько этих записочек. Да, кроме всего прочего, приветы пошли уже не просто от Вени и Серёжи Левина, а уже от Егора Давыдова. Ну, вообще, за границу вышел, и там уже приветы!.. Может быть, я даже хотел этого, не знаю. Я на это пошёл. Потому ещё, что записочки-то от жены. На самом деле, записки были от жены. Я же не знал, что она испортила отношения со всеми. А сообразить, что это ЧК - какие записки могут быть в КГБ? - Смех!.. Может быть, я много из себя вообразил. Ну вот, "все советуют каяться", "можешь по телевидению выступить". Да всё равно и это всё можно было сделать малой кровью. Во-первых, не такое выступление можно было ж... Да и вовсе не обязательно было давать показания на Митяшина. Хотя это уже было после выступления. А дальше было всё, как в чаду в каком-то... Причём, к Боре-то я относился очень хорошо... Я думал, они могли осудить его и без моих показаний. Я не помню, почему я дал показания на Митяшина, но не потому, что... Это сложно сказать... То ли они мне сказали, что Долинин уже дал... Гнусно это всё было... Меня куда-то несло. Хорошо, что меня ещё дальше не занесло. Но дальше-то занести и не могло... Не занесло... С Митяшиным... По-моему, я показания на него давал уже после суда. Я сейчас просто не помню этого. Когда же его арестовали?..

- После вашего суда.

РЕПИН: Да, арестовали его вообще в следующем году. А показания?..

Ну, показания \neq есть показания.

Был суд. На этом суде Веня, когда выходил из зала, ручкой мне помахал. Я понимаю, что это ничего бы не изменило... Ну, тут у меня ещё больше уверенности прибавилось. Он-то это просто так сделал. Тогда ещё никто не знал ни про Митяшина... Тогда ещё всё было вроде бы ничего.

А как было с текстом для телевидения? - Ведь чтобы такое написать, нужно знать эти слова, надо уметь ими обращаться, ~~ими~~ теми словами. Это довольно сложно... А было всё так. В конце 1982 года я принёс им заявление

12-1-25

заявление на полторы странички. Хилое-хилое. Писал, что "я слушал радиостанции..." И опять же всё это начинается с мелочи. И что там сказал про влияние тех, кто уже уехал. Про Леру Давыдову. Они говорят: "Это маловато". - "А я больше ничего не могу". И тут мне Евина решил помочь. Он чего там настрочил, оно стало побольше. Я бы не мог этого всего написать. Потом чекисты сказали мне, что особенно надо осветить. А потом уже перед самой съёмкой, когда уже снимать надо было, они ещё вставили кое-что. Естественно, с моего согласия.

ВОПРОС: А кто готовил передачу?

РЕПИН: Есть там один такой корреспондент... Как же его зовут? /Я перечисляю фамилии - Т.К./ Да, именно. Моргунов. И с ним была ещё такая Лена Колярова. Вот они при этом присутствовали.

ВОПРОС: А что они вставили в текст перед съёмкой?

РЕПИН: Там была такая фраза в конце по поводу родственников. Что-то такое про "пятую колонну". Надо послушать эту плёнку и тогда вспомнить всё. Я её не слушал очень давно уже. Мне не очень приятно её слушать, но я её послушаю. Надо её послушать.

ВОПРОС: А кто записывал на магнитофон?

РЕПИН: Мне её дал Серёжа Левин. Кто-то сделал с телевизора, когда была передача в эфире. Вот так всё. Говорить, что меня обманули - смешно. С другой стороны именно так это всё было сделано....

/Перерыв в записи/

У жены моей бывшей память очень хорошая, она всё помнит, когда что было. Я даже не помню, когда точно дали нам свидание. До этого я месяца полтора молчал, не давал показаний. Вот когда это было? В феврале? Она, думаю, вспомнит.

ВОПРОС: Почему они сказали, что там тёща, когда это была жена? Вы же не просили этого свидания? Вдруг свидания просит тёща? Это выглядит каким-то нонсенсом.

РЕПИН:

Я его никогда не просил.

12-1-26

ВОПРОС: Но почему тёща? У вас с ней были напряженные отношения? Они знали об этом что-нибудь? Или это просто тактический приём с целью абсолютно бескуражить вас?

РЕПИН: Это было так представлено: она хочет с вами побеседовать, она специально приехала... А я считал, что я такой кремень. Наверное, чтобы дезорганизовать ~~жизнь~~ меня, чтобы я расслабился, или наоборот, напрягся. Наверное, для этого. Да. С тёщей у меня были хорошие отношения...

ВОПРОС: Когда я задавала вопрос "Как вы дошли до жизни такой?" я имела ввиду именно начало. Мотивы, связи, С чего всё началось? Как? Вы немного заиклены на конце.

РЕПИН: начиналось всё постепенно. С мелких поручений Леры Давидовой. Сейчас уже не помню подробностей... Чисто человеческие связи. Хорошие люди. Я видел это. Помогал сначала исключительно в бытовом плане. родственникам. Их становилось всё больше. Володю Порета посадили. С отцом Лубмана я встречался. Были родственники Волкова и Рыбакова. Жора Михайлов, был такой коллекционер, тоже сидел в то время.

ВОПРОС: Казачков, наверное?

РЕПИН: Да. Меня когда арестовали, нас вместе с Дорой Аркадьевной в Большой дом привезли двоих. Она ко мне пришла, как раз у меня шмон был. А она какую-то книжку принесла мне отдать. И её повезли вместе со мной туда. Я думаю, что она должна помнить. Когда меня уже уводили туда, я говорю ей : "Дора Аркадьевна, я буду молчать." Я так и думал тогда. Так и надо было. Вообще нужно было молчать. Но это очень, видимо, тяжело, не знаю. Но в таких делах лучше вообще молчать, потому что никакие разговоры ни к чему хорошему не приведут. Но это мне было очень тяжело.

ВОПРОС: Валера, а вас потом не раскручивали на другие дела? На дело Рогинского, например?

РЕПИН: Нет, С Сеней у меня никаких дел не было. Я в его дела не лез никогда. Веня - тоже. Чего-то они спрашивали про Веню. Я знал немного о том, чем он занимается, но дел у меня с ним не было. Никаких дел. Ни литерату-

12-1-27

рой мы с ним ни разу не обменивались. И с Сеней тоже. И это совершенно правильно. Тем людям, которые каждый чем-то занимается, лучше только чай пить вместе. А кого они могли раскрутить с меня? Но вот, правда, Серёжа Ходорович, его тогда посадили по № 190-ой. Но не по моим же показаниям. Я никаких показаний на него, в принципе, и не мог дать. Но всё равно его посадили косвенно из-за меня, потому что он выступил с тем, что моё раскаяние — оно всё ложь. Клевета. Что дал я его под давлением. Я не знаю толком за что его посадили? Что они ему инкриминировали? А с Серёжей Ходоровичем они меня и не могли раскручивать, Весь шпионаж они подводили под Флинд. А Серёжа Ходорович о вопроснике ничего не знал, извините. И никто из Фонда о вопроснике просто ничего не знал. Это была моя частная инициатива. Поэтому Фонд если бы они дальше хотели раскручивать...

ВОПРОС: А кто в Ленинграде занимался Фондом кроме вас?

РЕПИН: Мне помогали жена моя бывшая, Ира Цуркова. Больше никто.

ВОПРОС: А Ходорович чем занимался?

РЕПИН: А он был распорядителем по Союзу. Он был в Москве. Сейчас он, по-моему уехал. Очень хороший человек. Такой замотанный был всегда, ужас просто! Это тяжело было. Он просто физически не мог справиться. Уставал просто от недосыпа. Хронического недосыпа. Очень много людей ~~и~~ нему шло. Очень много было всяких таких забот. Всё время был замотанный такой.

ВОПРОС: А как распределялись средства? Деньги?

РЕПИН: Были определенные четкие правила. Устава Фонда не было по сути. Он появился уже в конце, когда Серёжа Ходорович дал его мне. За несколько месяцев до моего ареста. Настоящий отпечатанный устав Фонда. Там было всё очень просто. Была помощь материальная на ребёнка несовершеннолетнего — месячное пособие. Сначала 25 рублей было, потом — 30. Менялась сумма в связи с инфляцией. Была доплата к маленькой пенсии родителей или родственников политзака, им сколько-то доплачивали. Всё было четко, определённые суммы. Да, заполняли ведомости. А как же? Отчёт возили в Москву. А как же? А что в этом такого? С какого времени существовал Фонд? — Трудно сказать. Это Гин

12-1-28

Гинсбурга нужно спросить, он его основал. Года с 75-го. Там были деньги Солженицина, деньги Сахарова, частные были пожертвования. Иностранцы иногда привозили какие-то вещи, У меня часто было так. Когда они приезжали сюда, валюту у них брать было нельзя. Я её часто видел, но руками я её никогда не трогал. Они шли со мной вместе в "Берёзку", покупали там приятник какой-нибудь. Потом я отдавал этот приятник своему знакомому, он его нёс в комиссионку, получал деньги, ~~и~~ отдавал мне. Вот так было. Так было несколько раз. И эти деньги тоже шли в Фонд, на его нужды. Из денег Фонда ещё оплачивалась дорога на свидания туда - обратно. И продукты для передачи - тоже. И это всё. Но на самом деле, - это очень много. Ну-ка в Пермь съездить на свидание.туда-сюда. Это всё очень дорого. Хорошо, что сейчас там нет уже больше, по-моему, никого. Или кто-то там сидит ещё?

ВОПРОС: И когда он прекратил своё существование?

РЕПИН: Трудно сказать. Может быть, когда я раскаялся. Это надо спросить у Вени, может быть он знает. Он знает, я думаю. Может быть, он и сейчас ещё есть? В какой-то малой степени? Не знаю. Но им же это моё раскаяние и надо было для того, чтобы Фонд уничтожить. Ну, если не уничтожить, то парализовать. Я думаю, мало приятно заниматься Фондом, когда за это уже шпионаж идет. Тем более время тогда было такое гнусное. Как ~~и~~ Райкин говорил: "Мерзопакостное время". 1982 ой, 1983 годы. Ведь раньше в Ленинграде сидело в КГБ 1-2 человека, я бы даже сказал полтора человека. Одного брали пока суд, второй уже ждал ^б своей очереди. А в то время там одновременно человек 6 или 7 сидело, если не больше.

- При этом значительная часть людей была арестована по политическим мотивам, но по уголовным статьям.

РЕПИН: В КГБ все сидели по 70-ой. Только Цуркова Ира сидела по 190-ой. А в то время - да, чем только они не занимались. Это было, да. Если в Ленинграде, то они обычно сидели в Крестах. Они всё, что угодно, могут сделать, если им это надо...

12-1-29

ВОПРОС: А Дору Аркадьевну Казачкову вы давно не видели?

РЕПИН: Очень. Вот последний раз в КГБ. И всё. Не помню, была ли у нас очная ставка. Сына видел только на фотографии.

Раскаиваться сейчас, после того раскаивания... ?

Лет с пяти, как говорить стал, я заикался. А потом уже после того, как мне исполнилось 20 лет я ходил к логопеду. Там я понял, почему я заикаюсь. И вот сейчас я редко заикаюсь. А кстати, некоторые говорили мне потом после передачи, что не травили ли меня какими-нибудь лекарствами, какой-то я не такой был. Я знаю одного человека, которого точно травили, не буду называть его имени. нет, всё случилось так, как должно было случиться. Исакова спрашивает меня на суде, почему мол я стал каяться. Я молчу, не могу же я правду сказать, правда же? Я это дело промолчал. А почему я так говорю, что должно было так получиться? Я знаю. Это всё постепенно было...

Какой же это был год?.. Это надо спросить у мамы. Году в 73-ем или в 74-ом я ушёл из дома. Мы жили в пятером в хрущевской распошенке. Это была как одна комната. Папа болел, он перенёс инсульт, но уже ходил в то время. Мне было 23 года, другому брату - 22, а младшему 20 лет. Все взрослые парни. А у меня свои интересы были. Я тогда очень увлекался музыкой. Мне пластинки надо было покупать. У нас дома книжки не было ни одной, только те, что брали в библиотеке. Папа всё время был на работе, он был начальником отдела в конструкторском бюро. А мама одна воспитывала нас троих. Ей никто, ни бабушка, та была в деревне, никто не помогал. Она одна нас воспитывала троих. Это всех накормить, обстирать. В детский садик нас не отдавали, слава тебе, Господи. В армии я тоже не служил. Я тогда ещё заикался, меня в армию не взяли. Начались свои интересы, я ушёл из дома. Снимал сначала. А потом получил на Васильевском комнату

12-1-30

от редакции. Потом я познакомился со Светой Елизаровой, что-то стал читать. Ещё я помню, когда я работал в типографии верстальщиком, меня вызвали в партком. А я был хорошим верстальщиком, ударник труда был. Вполне лояльный человек. Заика, ничего сказать не мог. Я довольно сильно заикался. И в партию мне предложили вступить. И тогда я ничего не читал ещё. Я отказался. Я сказал: "Спасибо, не надо."

Кто -как, а я стал не то чтобы критически относиться к Советской власти, но стал задумываться ща как раз тогда. И вот почему. У меня была такая страсть, я и сейчас очень люблю, уважаю этого человека, считаю, что это огромное явление русской культуры, несмотря на то, что это певец - это Шаляпин. Русскую культуру без него сложно представить. Я имею ввиду музыку, живопись, да и всё остальное. Я очень увлёкся его пением. Сам, без всяких влияний. А потом стал книжки читать, в Публичку ходил, читал.

И что я уже тогда понял, что меня настороживало, что ли: до отъезда никто про него худого слова не говорил. А когда он уехал? - Его же обливали очень сильно. Это было первое моё увлечение, первые размышления. Я не знал тогда, кто такой Мандельштам, Пастернак. Из школы я вынес только одного писателя, которого я очень любил. Это не Пушкин, нет. Гоголь. А вообще школу помню очень смутно, только лица ребят, с которыми учился. Единственное, что помню хорошо, это когда в деревне отдохали летом.

Деревня у меня связана с очень светлыми детскими воспоминаниями. Это уже очень личное. Я был очень глубоко верующим мальчиком. Года полтора это тянулось. Когда родился младший брат, Илья, а жили мы к тому времени в пятером в 12 -ти метровой комнате, - меня мама отдала в деревню к дедушке на год перед школой. А дедушка был очень верующий человек. Это был родной брат моей бабушки, но для нас он был как родной дедушка. У бабушки был паралич, она почти всё время лежала. Оба они старенькие были... Это был очень хороший человек. Ну, вот уже хотя бы то, что он матом не ругался

12-1-31

Люди, где он жил, - 12 километров от станции Дно в Псковской области - они не ругаются матом, они при помощи мата разговаривают. У соседа нашего даже кличка была - "Матом". Там были очень хорошие люди, в основном женщины, на которых всё держалось. Дедушка мой не только ни разу в жизни зла никому не сделал, но и никогда не желал его никому. Божий человек. И это всё я понял только потом уже, когда освободился. Понял, когда был в ссылке... И вот меня мама к нему оттдала. В одной из соседних деревень была церквушка, куда мы с ним ходили... /Идет к шкафу, роется в бумагах, находит свою детскую фотографию, около 1957 года, показывает мне.

- Т.К./ Вот где я хорошим человеком был. Хороший человек, правда?...

Так вот, мама год меня не видела. Они приехали, когда я где-то гулял. /Она мне потом рассказывала об этом./ Я вошёл, в кепочке я был, снял кепочку, подошёл к иконке, помолился и только потом сел за стол... Потом меня забрали в город. Всё это кончилось.

ВОПРОС: А когда начали заикаться, Валера?

РЕПИН: А с детства с самого. С запинания.

ВОПРОС: А почему? Не знаете?

РЕПИН: А потому что надо было следить за ~~жизнью~~ этим, я думаю. Когда я ~~жизнь~~ лечился от заикания... /Смотрит на детскую фотографию. - Т.К./ Конечно, и здесь уже мешки под глазами. Говорят, это значит, что почки больные. Никогда они у меня не болели. В тюрьме только немножко начали болеть... Когда я лечился в психиатрическом диспансере - название, тоже мне, - мы анкетку такую заполняли. И там были вопросы с того, как роды проходили у матери. А у моей матери роды протекали очень плохо. Врач уже взял нож, чтобы кесарево делать. Но тут я выскочил: "Не надо, я тут.".. А ~~з~~ потом у мамы ещё до моего рождения были очень большие личные сложности. И когда родился - тоже. Но заикание связано с тем, что лечить это надо было в самом детстве, когда я начал разговаривать. Как правило, заикание возникает сразу, оно заметно уже тогда, когда ребёнок только начинает говорить, а не то, чтобы собака там напугала или что-то вроде этого. Я не знаю, то ли он спешит, то ли дышит неправильно. Тогда врач нам

12-1-32

называл разные цифры. Так вот, в 90% случаев, если я не путаю, оно возникает, когда ребёнок неправильно дышит. И это надо контролировать. Насколько я понял, это заболевание центральной нервной системы. Если человек сможет управлять своим дыханием, тогда он сможет и правильно дышать говорить. А ребёнок, когда начинает говорить, зачастую торопится, нервничает. А я в детстве был нервный. Это всё можно исправить. Но надо идти к логопеду. Вадио не пропустить это в детстве. Сказать самому сложно, а повторить проще. Есть буквы сложные "п", "т", "б". Если ничего не получается у родителей, то нужно к врачу вести ребёнка. А меня водили, так я и замигался. Детство - это очень хорошее время. Здесь я такой... А сейчас, что? - У, морда противная...

Мы как цветки а поле росли. Нас никогда не воспитывали. Чтобы мне мама когда-нибудь сказала, что я не так живу? - Да, никогда!

Даже когда я тюрьме сидел. Но был один только момент, когда я из дома ушёл. Жена, вот, - да, та была чем-то во мне недовольна. А мама - нет. Вот только она отдохнуть не умеет. Также, как и я. Вот всю жизнь - в заботе. Последний раз я отдохнул, если только это можно назвать отдохном, со злой беременной женой, на четвёртом месяце она была. Они поехали на две недели на юг. Что такое отдохн? - Это полная отключка. Один раз такое у меня было, правда. Это когда я бороду себе отрастил. Я поехал тогда в деревню, а там уже все умерли, я жил в другой деревне, мне дали ключ. Там я две-три недели жил. И то я туда повёз рюкзак макулатуры, которую сжечь надо было, какую-то копирку, то, что уже не надо было. Это году в 78-ом было.

ВОПРОС: А с бородой нравились себе?

РЕПИН: Да, так как-то... Да, чаворное. Я без бороды другой совершенно. Такая голая коленка, знаете. Коленка и два глаза. Ну, и потом это удобно - не надо бриться...

12-1-33

...Сеня Рогинский мне сказал однажды, что я-то в историю демократического движения попаду. Как в воду глядел - попал!... Только через другое отверстие, так скажем.

ВОПРОС: Скажите, Валера, насколько важно для вас то, что я вас спрашиваю? Важно ли вам рассказывать об этом?

РЕПИН: Да, я почти никогда не выговаривался после всего, что произошло. Сейчас в общем-то это отлегло уже...

Хотя нет, Серёжа Левин, как он сам сказал, "допросил" меня. Был "допрос" небольшой. Он знает меня довольно хорошо, это близкий мне человек. Членка разговора нашего записана. Он как раз в гости должен был ехать в Германию и эту пленку там хотел показать. Я там не просто рассказывал, он имел право меня обо всём спрашивать. Я отвечал на всё, на что мог ответить.

Например, он задавал мне вопрос: "Какое право я имел называть Натана Родзина?" Никакого права не имел... И вот он показал эту кассету на радиостанции "Свобода". И там сказали, что сейчас всё это как-то не очень канает. Это было года два назад. Он показывал это Давыдовым. Сни меня знают, чтобы они услышали, как всё было. Не с целью, чтобы это крутили там на "Свободе"... Вот если бы я рассказал обо всём, когда приехал в ссылку, то - да. А сейчас это всё как бы никому не интересно. И отношения уже не те. Но я там немного выговорился. Приехав, я рассказал некоторым людям про записочки, чтобы они знали обо всём.

ВОПРОС: Но потребность выговориться есть сейчас?

РЕПИН: Ну, время уже как-то прошло. Уже 8 лет прошло. А это большой отрезок времени. Вот если бы вы пришли даже год назад... Год назад. Год. Мне же предлагали сниматься на "Ленфильме". Тогда всё было как-то иначе. Сейчас это никому не интересно.

Записал Наталья Косыкова
Ко -

В.Т.Репин

Запись 23.07.91г.

- Валера, когда мы с Вами беседовали в первый раз, Вы так и не говорили о личных мотивах участия в этом движении.

- Там были люди какие-то - или мои друзья, или люди, которых я уважал. Вот и все личные мотивы. Это была моя жизнь, я так жил. 80% моего времени, а иногда и 100 я занимался этим. Это была, так скажем, моя работа. А на основной работе - я как бы халтурил, деньги получал. Это была небольшая шабашка, так скажем. У меня действительно уходило на это много времени, потому что я занимался этим один. Это было организовано вот так вот... То есть, на это можно было тратить гораздо меньше времени. И вообще не было организовано никем. И вообще, если бы я сейчас этим занимался, если кто-нибудь бы мне это дал, нет, я так же не стал бы этим заниматься. Дело в том, что это надо было сделать... Тратить на это меньше времени. Нужны средства финансовые. Нужны средства, деньги. Причем, небольшие деньги, ну, скажем, раз в день проехать куда-то, даже не на такси, я к такси отношусь как-то... Но если бы, например, иметь видеокамеру, советскую, самую простую, не надо этот запад, то это уже... Или иметь пленок побольше, диктофон и побольше пленок, то не надо копии эти, как это называется, протоколы эти не надо печатать. Записать и отправить на Запад, а там они уже расшифруют. Машинистки не было, потом не было жилья, где можно это хранить как-то, и это все изматывало. Нехватка времени, нехватка сил. Но, правда, оплачивали потом дорогу в Москву и назад, это естественно, а вот осталось все - я доставал это через каких-то личных знакомых иностранцев. Но я тогда мог это лихо делать, потому что... Правда, я этим редко пользовался, и всегда объяснял, для чего это

нужно. И через какое-то время что-то приходило, денег немножко, машинку пишущую мне прислали, еще что-то... Ну, например, вам же проще было бы, если бы у вас была аппаратура какая-то, правильно?

- А с другими распорядителями фондов, со Смолкиным, например?..

- Вообще что-то было такое... В Вильнюс я ездил несколько раз, но не к Смолкину, а по своим личным делам, не связанным с этим делом, но он просто видел. Не помню, было там что-то такое... Какой-то чемодан у Смолкина спрашивали... Я не помню.

- А других распорядителей фонда по городам знали?

- Нет, по городам - нет. Я ехал по своим знакомым. А так распорядителей фонда я знал - Арину Гинзбург, потом Сережу Ходоровича, еще была одна женщина, я забыл ее фамилию, вообще она очень известная. Я там был случайно один раз, еще когда Вера Исакова была здесь, у нее там знакомые, забыл я ее фамилию... Был несколько раз Мальву Юрьевну Ланду, такая приятная женщина. Но с ней не общался. То есть общение было только с Ариной Сергеевной и с Сережей. Но поскольку они тоже всегда были замотаны, я просто приходил, пил чай, если было время какое-то, у Арины Сергеевны я всегда пил чай с кем-то, она или отлеживалась со своей головой, в другой комнате, то есть, там кто-то всегда был другой. То есть, общения с Ариной Сергеевной не было. Нет, один раз было и очень смешно. Если я ничего не путаю, это было так. В один из своих приездов в Москву я приехал к ней за деньгами, и она мне говорит, что что-то там с Чурковым... Аркадия Чуркова тогда уже сидел. То есть, матери Чуркова они оказывают помощь. А я жену Чуркова, Иру, знал довольно хорошо. Не то чтобы она была в фонде, но оказывала помощь, деньги там развозила, короче, что-то она делала. И, поскольку я ее

знал хорошо, то, естественно, знал и историю с матерью. Она не то что сына осуждает, но не хочет иметь к этому никакого отношения. Скажем так, она не приветствует то, чем сын занимается, и даже наоборот. И вот матери Цуркова помочь оказываются. Ну, я говорю, помочь надо оказывать его жене. А дело в том, что мать Цуркова была как-то знакома с Боннер, то ли они работали вместе, потому что обе врачи, толи еще что, я сейчас не помню, но что-то такое было. И какая-то жалоба поступила на Ленинградское отделение, ну, пришлось пойти к матери Цуркова. Я пошел, но не стал раздеваться, сказав сразу, кто я такой, лестницу меня не спустили, но я очень быстро ушел. Вот у нас с Ариной Сергеевной так было. А других длинных разговоров никогда не было, потому что не было никаких накладок, она была мои начальников и все. А с Сережей Ходоровичем тоже, он был очень приятный человек, но он был все время настолько замотан, и с таким недосыпом, что общаться с ним просто нельзя было. И если вы спрашиваете моих знакомых, которые этим тоже занимались, они тоже скажут, что общаться с ними можно было редко когда. Сильно замотанные. На них висело гораздо больше, чем на мне, на них же висел весь фонд, у них были не квартиры, а проходные дворы, ко мне тоже люди, конечно, приходили, но все же не каждый день и не так... Сережа Ходорович - хороший человек. Я никогда не слышал, чтобы он на кого-то орал, или голос повышен... Мы все лентяи были, ну, не то что лентяи... Каждый занимался тем, чем он мог заниматься. У Арины Сергеевны при этом было двое детей, я просто не понимаю, как можно этим заниматься с двумя детьми, вообще этого не понимаю. Нет, конечно, в ее квартире всегда были какие-то подружки, друзья, которые

12-2-4

как-то все делали... Помогали ей по хозяйству, еще что-то... Но все равно, нельзя этим так заниматься. Я не знал Алика Гинзбурга, но думаю, что он тоже так этим занимался. Нагрузка немногорная. То есть, нельзя этим заниматься много лет, потому что человек просто не выдержит физически. Поэтому общения человеческого ни с кем не было, потому что, наверное, правильно, что на работе надо работать. Но, правда, с Ариной Сергеевной общались немножко, когда она приезжала в Ленинград, так о чем-то немножко разговаривали. А общался я все равно их с теми, с кем я раньше более или менее дружил, свой круг общения был.

— Ну, это последний период, а раньше как было? Кто такой Рома Гордеев, я о нем не слышала?

— Рома Гордеев, я с ним познакомился, по-моему, через Сережу /бывшего и раб/. Рому Гордеева чекисты вызывали, беседовали... Он работал в университете. Тут недавно один рассказывал, он курировал университет, там рукописи у кого-то со стола взяли, или отдали ему... Так вот этот человек был Рома Гордеев. У него тоже периодически бывали разные неприятности, и вызывали его, и беседовали с ним, и с работы пытались выгнать, а он сам работал в университете, ходил иногда. Но вообще он кандидат наук был, то есть, какую-то работу выполнял. И в храмах пел. По-моему, он сейчас регентом где-то. В храме сейчас.

— А Пориш?

— Володя Пориш я не знал, я пришел в Тане Пориш, его жена, уже после, я всегда как-то приходил уже после того, как...

Сначала чекисты, потом я. А Таню Пориш я знал очень хорошо, мы с ней дружили, и я даже ребеночка у нее крестил. У нее же, у Тани Пориш, я познакомился с женой. К Тане Пориш я очень хорошо отношусь. Но мы с ней не общаемся. Нет, я звонил как-то. Не то, чтобы обиды какие-то, а не знаю... Видимо, время какое-то прошло.

- А вы в /нраб/ сидели вместе с Павловским?

- Нет, мы не сидели, мы там жили вместе, а сидели мы с ним на одном диване в котельной, когда работали вместе в котельной. В одной смене. А ссылку мы отбывали, - потом там Чурков отбывал ссылку, - это Троицко-Печерск такой, Коми АССР. А Павловский... я не знаю, я знаю, что у него была 190-я. А так мы общались там. Там у него жена жила, Марина, милая женщина. Но Павловский работает больше головой. Я-то привык больше руками, или ногами - там сбегать куда, я никогда не был в этом смысле идеальным человеком, в смысле... ну, никогда не обсуждал проблемы переустройства и всякое такое... Чай попить или с ребеночком посидеть - это пожалуйста, это можно все. А в этом смысле - я мало культурный человек.

- Ну хорошо, а отношение какое-то было к этому? К системе? Идеям?

- В том-то все и дело, что отношения к этому не было, не знаю, к чему, но к этому - не было отношения. Я же говорил, что раньше у меня к чекистам и коммунистам не было такого отношения... ну, такого, как сейчас. Хотя и сейчас у меня к ним отношения сложные. Я не хочу никого осуждать, но, с другой стороны, они - просто подонки. Я тут разговаривал с одним человеком, говорю, они как уголовники. А он: какие они уголовни-

ки? У уголовников есть свои законы. Вот Сеня Рогинский, он там был, и я думаю, что он был там мужиком. Вряд ли пажаном, таким "насть порву!", вряд ли. То есть, всегда можно жить. Нет, если уголовники там с тобой ни за что пытаются что-то сделать, значит, это не уголовники, а суки просто, это случайно может быть, но все равно они суки. А так у уголовников есть законы, по которым можно жить. Они жесткие, эти законы, но в общем справедливые, в целом, я имею в виду, бывает конечно... А эти они вообще аморальные, без всяких законов. Те чекисты, которых видел я, они все там такие. Если он работает в этом доме, который весь в крови... Нет, если человек работает в этой организации, или он не понимает этого, так скажем. Но вот некоторые, как, скажем, Георгий в этой книжке, так он прекрасно все понимает, он просто бандит. И тот же Чухонин, он, по-моему, сейчас зам. начальника Ленинградского КГБ. Прекрасно все знает, прекрасно все понимает. Ну, как к ним относиться... Нет, я понимаю, что лучше никого не осуждать, но вообще они сволочи. То, что они сажали людей как бы ни за что, это - да. Хотя бы тех, чьи фамилии мы перечисляли. И если бы они их просто сажали. Они же приносили страдания другим людям, их семьям, родным... Хоти, конечно, эти страдания... Ну как..., некоторым, может, это полезо и на пользу где-то.

- ...именно криторий не дачи показаний...

- То есть, не когда он был под давлением...

- Да, и именно эта черта была проведена, то есть, большинство людей придерживаются именно этого мнения.

- /Посколько фраз не записалось/

- Я брал свой приговор у нее. Она там как раз сидела в кабинете, она же зам. председателя. Это, конечно, грех, так нельзя

говорить, но когда я увидел в "Ленинградской правде" черную рамочку, я сказал: вот сдохла, наконец. Но вы только поймите одну вещь: я не говорю, что все чекисты подонки, а я такой хороший, овечка, и вот они мне и семью разбили, такой я несчастный. Нет, в этой ситуации я как раз больше сам виноват. Есть такие моменты, простые очень, и не то, чтобы человек их понимает, потому что говорить можно о чем угодно, делать умные глаза, рассуждать, о вере в том числе, так, что тебя будут слушать с открытыми глазами, а когда ты сам попадешь потом, будешь вести себя не так, как ты ожидал. Вот если бы я зло ближнему не делал, а старался больше думал о Боге, я считаю себя верующим человеком. Если бы я рассуждал: сделаю ли я зло человеку, если расскажу о нем что-то, что приведет к его вызову, просто к вызову, не говоря о том, что его просто с работы... Хотя, казалось бы, в моем положении думать о том, что кого-то с работы... Ничего подобного: все начинается с какой-то мелочи, с ерундой, поэтому я сторонник того, что там, в КГБ, лучше молчать. Вообще молчать. Но у меня были стерты эти понятия. Границы, хотя я о Вере ничего не сказал. Но это мне не в плюс, просто так... какие-то вещи были.

- Одно дело, когда вы горорили правду...
- Не лжесвидетельствовал, вы имеете в виду?
- Да, а другое дело - когда вы говорите заведомо неправду.
- Нет, неправду там, насколько я понимаю, я не говорил.
- Про фонд.
- Это я читал то, что они написали.
- Написали они сами?
- Да, написал человек, который сидел со мной в камере. Ну, вы это послушаете, и поймете, что это мог написать только чекист,

потому что там эти штампы, отщепенец этот, как я мог сказать слово отщепенец? Если бы мне дали задание, в виде игры, написать раскаяние антисоветчика, мне все равно надо было бы иметь подшивку "Литературной газеты" за те годы. Они же все одинаковые, эти статьи, там одни штампы, и про Лудко, и про всех, про всех... Одни штампы, ну, и какие-то еще там истории выдумали, и все. А так ощущение, что написано про одного человека, Іамилию если убрать, то все равно, про Огородникова или про Репина... Правда, что касается Репина, меня то есть, то там немножко другое, шпионаж там, более страшное такое.

- То есть, в ваших показаниях не было лжесвидетельства про фонд?
- Да нет, были, наверное, я не помню, надо почитать. Нет, в показаниях не было, наверное. Вот в деле... Я думаю, мы мое

дело когда-нибудь прочтем. Доживем. Там, конечно, никаких пятен крови не будет. То есть, что они пытали? Что онц, мол, давал деньги, а за эти^й деньги давали информацию и там еще чего, вот как бы было их основное. Ну, и плюс еще, конечно, что вот эта радиостанция "Свобода" шпионская. Насколько я полагаю, они и сейчас считают, что это шпионская организация. Вот у них спросить, когда она стала шпионской - кто там только не дает интервью, и собкоры свои... А в деле у меня есть справка, что на основании справки, выданной воинской частью, каким-то подразделением воинской части, эта радиостанция "Свобода" считается радиостанцией ИРУ. То, что они начали делать с 17-го - 18-го года, это все и сейчас, ничего не меняется.

- /Вопрос не записался/

- Он говорит, что все это очень сложно, и он меня понимает,

не то, чтобы он мне счастья желает, но понимает сложность моего положения. Но он тогда не знал, что я дал показания.

- А когда он узнал об этом?

- Ну, я не знаю.

- А с ним отношения не возобновлялись?

- Нет, как-то так... Мы не виделись просто.

- А с кем вы виделись, когда вернулись?

- С Наташей Рогинской виделся в суде, когда... Она сказала: я б тебя удавила тогда, если бы мне попался. Но она это чисто по человечески сказала... Нет, общаться я ни с кем не общался. Мне идти как-то... Мне в одном доме сказали... А я пришел в один дом, мне надо было выяснить кое-что по моему делу. Мне там сказали, что я хожу по домам, чтобы мне... Ну, не то, чтобы я унижалась, но что, в общем, это неприлично. Я перестал ходить.

- А что это был за дом?

- Неважно. Но, во-первых, я не ходил ни по каким домам... то есть, сам лично я не являлся, не предупредив. А потом я еще видел двух своих хороших знакомых... Я сел на поезд и махнул из Москвы сюда, и мы договорились, что на улице мы увидимся, и мы увиделись, но это тоже было очень... И они мне сказали, что не будут со мной общаться, потому что грех какой-то положил... Ну, с тех пор я вообще ни с кем не стал общаться. Нет, я никого не осуждаю. А сейчас уже прошло столько времени, что как-то так... И я общаюсь /нраб/, мне это хватает вот так вот, просто на это времени нет. А так практически общение со всеми прекратилось, потому что, я думаю, то общение, которое было, оно стало просто невозможным. Что же делать. И потом, времени

очень много прошло. Десять лет уже прошло. Хотя у меня есть люди, с которыми я виделся по два года, и больше, из-за ссылки там, а потом такое ощущение, будто только вчера расстались. Такое тоже бывает. Это очень хороший показатель отношений. И не переписывались мы. Когда вспоминаешь людей, к которым не то что хорошо относишься, хорошо надо ко всем людям относиться, ну, а эта, видимо, связь, которая есть, она в крови, видимо... А что было? Да ничего не было, просто чай пили, в гости ходили друг к другу, в дурака играли, а так, вроде ничего. А человека увидишь... Не просто на улице встретишь, не бывает такого, что с человеком в одном городе живешь, и за три года совсем не общалась, это значит что-то такое... Ну, вот у меня в Москве есть такие знакомые, которых я год не вижу, два, но все равно существует... И никогда они меня не спрашивают, и я никогда — а почему ты не звонишь? А почему ты тогда не звонишь, если я не звоню, почему ты должен позвонить? Почему так произошло, не знаю, не обраемся, это, наверное, еще время должно пройти. Время прошло. Время — это такое дело, что... Ну, один человек всегда несет ответственность за другого, если, так скажем, один опытнее в жизни, если они как-то общаются, то он несет за него ответственность. Вот в этом смысле да. Вини же всех моих дел... Нет, Виня-то, может быть... Ну, все я, конечно, не могу сказать, что значит все, но многое я, конечно, рассказывал. Но кто же знал, что так все будет?

— Но он давал какие-то советы?

— Да. Говорит, убрать это.

— Когда он сказал — убрать?

— Когда я показывал ему вопросы. Сказал, вообще засунуть это подальше.

12-2-11

- Не работать с ними?

- Да. Ну, кто же знал, что вот так вот... Я с ними вообще-то не работал, у меня времени не было, это же надо было спрашивать.

- А почему он так сказал, как он обосновал?

- Видимо, смекнул. Видимо, понял, что что-то тут... Кто же знал, что из этого получится шестьдесят четвертый. Это просто 37-го года. Я терпеть не могу этих слов, как будто только в 37-м было, а больше никогда не было. В 37-м, может быть, больше всех членов партии в основном сгинуло. А сам-то простой народ, как его начали с 17-го года стрелять и сажать, так буквально и сейчас... Потому что то, что они делают с людьми, которые сидят в уголовке, это просто... Это все одно и то же.

- Валера, а Рогинскому вы показывали вопросник тогда?

- Нет, по-моему, нет. У меня с ним вообще никаких дел не было. Вот только с записочками Толе Иванову, так это когда он сидел уже.

- Нет, ну вы говорили, что вы советовались, что люди, ну, не все, но все-таки были в курсе того, что вы делаете.

- Сеня был в основном их в курсе только. Сеня, во-первых, где его поймаешь - это раз, нет, Сеня, наверное, был еще, куткое дело, конечно. Один раз, я помню, одолжил ему деньги. Кому-то там надо было что-то, квартиру, что ли, на какие-то дни, вот я ему одолжил, а потом он мне отдал. Вот и все. У меня с Сеней вообще никаких дел не было никогда. Так я знал, что Сеня там /нрэб/ с чемоданами. Я недавно видел по телевизору, когда он сказал, что, наконец, чемоданы достал. Нет, не все он чемоданы достал... Не может этого быть, чтобы он достал все чемоданы.

Я не верю в это. Не потому, что там что-то, а что, он не понимает, что происходит, что ли?.. Или они у него продублированы? Я бы не стал сейчас все чемоданы доставать. А потому что еще не время. Пока эти все люди там работают...

...Дело в том, что когда /иреб Гамилия/, Сеня очень хорошо эту Гамилию знает, и Веня тоже, судили его в 70-е, насколько я помню, и потом все от него отвернулись, хотя он никого не посадил. Видимо, он осудил свои убеждения. Они у него были, и есть, я думаю. Все от него отвернулись, нехороший человек, редиска, а моя жена, они с ним знакомы были, и сестра жены. И вот приходит к нам в дом, к Вене-то он не придет, и он пришел даже не ко мне, потому что он меня не знал, ну, как в дом, в комнату в коммунальной квартире, мы снимали. И мне не захотелось с ним общаться, а с ним общалась Лена и Тата, ее сестра. Не то, чтобы я слова говорил, потому что всему есть предел, но как бы я его не принял, осудил в общем, по большому счету.

- А когда это было?

- Трудно сказать, я сейчас не помню, наверное, конец 80-го, 81-й, я сейчас не помню, примерно. Вот пожалуйста, все честно, все нормально - каждому по тому, как он себя вел. Причем, я тут как бы специально ничего не подвожу, но вообще... Я не знаю, вообще, кто его мог обвинить, что он сказал о своих взглядах... Я не знаю, мы общаемся же... Если между людьми только взгляды... Нет, я, конечно, не про Сени говорю, не про Таню Пориш, и не про Веню, но вообще у нас часто любят бить быых. Такой момент есть. Нет, конечно, наверное его поступок

с точки зрения... Но еще было много детей, еще дети были, поэтому тут это такой момент... Вообще, это очень сложно - осуждать человека. Меня, допустим, проще, потому что на основании моих показаний сел Митяша, тут все ясно. Но с другой стороны, Либерзона осуждать... За то, что он отказался от взглядов и ушел к себе в семью, за это осуждать... Я не знаю, ушел ли он в семью, не в этом дело... Нет, я не говорю, что его надо хвалить за это, но почему мы его нужно за это... значит, такой непрекрасный человек. Тут есть такой момент не очень... Во-первых, у людей нет никакого права его осуждать, вообще нет никакого права, это раз. А потом уже нужно говорить о праве человека осуждать. И вообще меньше осуждают те, кто сидел. И не в количественном отношении. Это так и есть. Потому что то же КГБ, оно ко всем применяло всякие методы насилия, безусловно. Может быть, не такие изощренные, как ко мне... Ну, не то, чтобы изощренные... И ^{Володя} Жаки Пориш, я забыл спросить, что-то говорили, что он к детям не вернется, и всякое такое, ну, вообще слова в той или иной форме произносились, разве расстрелом не грозили. Мне-то расстрелом грозили, но у меня, честно говоря, и мысли не было, что меня могут расстрелять, я этого не боялся, но все время фон-то шел насчет военного трибунала...

...Абсолютно. Тум мне мама сильно помогла. Когда ее вызвали на очную ставку с Сережей Левиным, она сказала, что его абсолютно не знает. Причем, она совершенно простой человек. Я, правда, к маме своей очень хорошо отношусь, потому что... Она, правда, нас никогда не воспитывала, и книг у них дома не было. Папа умер, правда, когда я был уже взрослый, когда я умер... Но не стала она этого делать. Хотя она знала этого Сережу, и знала, что он брал чемодан, но не сказала. Если бы я так себя всегда вел, то было бы отлично. А если бы из-за этого еще и сел Сережа, я не знаю, что вообще бы было, это было бы очень плохо. Я думаю, мы с вами бы сейчас не проговаривали. Не потому, что я не жил бы на свете, но это было бы очень все...

- А что об этом говорит Левин, вот сейчас?

- О чём он говорит? Ну, - молодец.

- Мама молодец?

- Ну да. Ну, что он может сказать? Спасибо? Он говорит, что он понял, когда я выдал архив, с этого момента все и началось. Хотя я еще этого не знал. Вообще, не надо было мне играть в эти игры с самого начала. Он сказал, если бы ты сел... То есть, у него как раз была личная ответственность, то, о чём вы говорите насчет Иоббе, насчет Сени и Вени. Я какой-то фильм видел, еще до ареста. Там сюжет такой есть: мальчик и девочка подходят к аквариуму, а там два крокодила плавают, и они говорят: а как их зовут? Сеня и Веня, давай их никогда не будем продавать. Это было перед посадкой, мы рвали по этому поводу, потому что вот Сеня и Веня. И никто их не продал.

- Мне кажется, что это очень жестоко, то, что сделал Левин.

Записал кассету с вашим раскаянием и дал вам.

— Вы не поняли. Я попросил у него эту кассету. Он взял ее у какого-то своего знакомого, который это записал, когда показывали по телевизору, там, по-моему, даже не с первой секунды начинается. Нет, ничего жестокого не было. Я сам его попросил, мне надо было.

... Я же еще на службу ходил, причем нормально работал.

— А в период до ареста вы испытывали такое чувство?

— Нет, иногда есть такое чувство, что что-то не так сделал. А самоуважение... Ведь самоуважения в прямом смысле быть не может. Я пытаюсь как-то себя уважать, но это с трудом... получается, но пытаюсь. А, в смысле — какой я хороший, как много я всем... да?

— Ну, самоудовлетворение, если не самоуважение?

— Да, самоуважение — это дело такое, что... Ну, у меня бывает иногда типа "Ай да Пушкин, ай да молодец!" когда я сделал что-то хорошее, редко бывает, когда я что-то сделал руками. Но это, видимо, не самоуважение, а что-то такое... У меня редко такое бывает, я человек разбросанный, мешают всякие обстоятельства. Правда, у меня был такой период, я не буду подробно рассказывать, когда мне приходилось зарабатывать деньги. Ну, надо было их зарабатывать, мама пенсию не получала, ну, в общем... После освобождения, это недавно кончилось, мне приходилось, и это очень много времени занимало, я не мог зарабатывать меньше, чем 400 рублей. Не потому, что мне надо было много... Я очень не люблю делать то, что я не люблю. Есть вещи, которые тебя от этого отвлекают. Ты сам обычно эти заботы создаешь. И если ты что-то не сделал вовремя, мне тогда

вообще ничего не хочется делать, у меня все рушится. Нет, я поэтому сейчас и стараюсь жить такой жизнью, чтобы если идти на службу - то минимум времени, а уж если чем-то заниматься... Лучше я вообще ничем не буду заниматься.

- А тогда, значит, вам нравилось то, что вы делаете?

- Во-первых, тогда я же чувствовал, что это нужно, и что это опасно, там, было такое... да, это, может, не всем было ясно, но у меня, конечно, было такое чувство, может, конечно, подсознательно, но было, и это сыграло роль в том, что произошло. Безусловно. То есть в какой-то степени это делалось из тщеславия, но, конечно, не только из-за этого одного, но я такой человек как бы... Но я видел, что люди, которым я приношу деньги, ко мне хорошо относятся. Никогда не было, чтобы я пришел, отдал деньги и ушел, а обязательно там чайка попить, поговорить, пообедать, особенно любили накормить обедом. Семьи заключенных, не все конечно, но многие, были рады меня видеть, у нас были хорошие отношения, но по той причине, конечно, что я шел потом в другое место, мне времени не хватало, всегда так было, но они почти все... они такие... не потому, что я деньги принес, меня обедом накормить, нет, нет, не было этого, и потому еще, что они видели, многие, что я не боюсь этого, это все люди в возрасте, родители, и был момент такого уважения, это я сейчас понимаю, они всегда говорили, что если что, они всегда могут сказать, что они этих денег не брали, но я не боялся, и это такой момент, что я свободно, но это их надо спросить. А то, что вы говорили, что против меня кто-то что-то не совсем, то это , кто меня осуждал, но вообще-то права не имел, так скажем мало ли кто чего... Ну, что делать, у что теперь, как говорит моя мама, убить, что ли, чтобы воскресить этого, мир брата кото-

рого, ну, что теперь, говорит, когда се спрашивают, ну, что теперь, все равно его не воскресишь. А с Леной, там, ну просто, кто ж знал, что так получится. Вообще женщины близко к этому не надо подпускать, только это между нами. К деньгам, я имею в виду, то есть, я не потому, что она там что-то, а просто это не женское дело, особенно с чекистами, и вообще и деньги, и шмотье, и опасность, это все нелегкое дело. И вообще это не женское дело. И на примере моей жены это очень ярко все... Я не ~~никак~~ имею в виду Арину Сергеевну, но вообще там такой момент доминировал в демократическом движении, это там, конечно, есть, потому что если поймут, когда приходит какая-то посыпка, и одно когда мужчина это все делит, а когда женщина... Тут есть что-то такое, что... И потом если так вот уж тут рассуждать, то я тоже уж я должен нести ответственность за жену, если тебя по 190-й могут посадить, то тебе но то что жену заводить не надо, а и семью. А я завел не жену, а так скажем, товарища по борьбе. А заводить надо жену, а не товарища по борьбе и вообще... А жена - что, ну что делать, так она со всеми раскорялась, она, конечно, она неуправляемый человек, еще когда со мной, она была управляемой, она еще ничем не занималась, вот власти она не достигла. ~~Они их избрали~~ А вот как только она стала царем, то тут все со качества и проявились. Не то, чтобы она там что-то воровала, что-то там брала, не думаю, это не самое страшное было бы, думаю, что нет, а вот в том, что она, у нее есть такая способность общаться с людьми, с которыми не надо общаться, вот есть такие люди, которых в дом пускать нельзя. Вообще-то сейчас все пережили, но раньше было очень строго, падшую женщину никогда в дом не пускали, а сейчас...

Нет, я к тому, что вокруг нее сразу появилось очень много людей самых разных, это, к нечно, и этих, знаете, и она стала, конечно, совсем неуправляемой, и Розенберг... Я его не знал. Но это уже после моего ареста появился, кто-то его... Но я понимаю теперь, процентов на 99,9 это просто стукач от ГБ. Поэтому так все... Она могла бы отсюда уехать в Москву, но это традиции: мужа сажают - жена продолжает его дело. С записочками пойти к Сереже или к Вене, ну, к Вене она не могла, это я могу, а она, нет, вообще, ну, это я могу понять, а с Сережей Левиным, они не были у нее такие близкие отношения, нет, нельзя сказать, что и мы с Веней были друзья, нет, ну, я приятель, я всегда был очень рад... Я всегда стараюсь определить, как меня можно назвать, вроде друзьями как-то не было этого, даже не потому что не было этого, а товарищ по борьбе, как сейчас выясняется с его чемоданами, поэтому... А он как раз с Сережей Левиным, она стала врать всем и всюду. Она не понимала, что врать нехорошо. И на самом деле, врать нехорошо. Вообще ни где и никогда. Лучше сказать правду. А правду ей было говорить не очень хорошо, иногда как... Дальше - больше, что уж тут, поэтому... Жут больше Сереже верил и Роме в общем-то, чем об, потому что здесь... И вообще, есть у нее такая она не сволочь в общем-то, если она пытается кого-то где-то обмануть, если бы не его жена, все было бы хорошо, так в общем получается, ну, я не знаю, смысл там был там, ну я не знаю, лучше бы бя-, нет, нужно исходить из того, что она руководствовалась еще в самом начале, чтобы я не то чтобы вышел оттуда сразу же, как бы, но чтобы меньше получил. И это желание ее

огромное, оно привело к... плюс, конечно, еще ее характер, это вранье, это привело, конечно, к печальным последствиям. Но, конечно, самое лучшее было бы не молчать там сидеть, а ей уехать в Москву к матери и ничем там не заниматься. Тогда бы все, вот. А так что - приходить к ней просто так, чтобы побеседовать. Он поехал сейчас на турнир, приедет в субботу-воскресенье, в бридж играет. Медаль ему дали, первое место занял.

- А вообще чем он занимается?

- А вообще он в христианской школе завуч или как там его должность называется, Володя знает хорошо, эта школа здесь находится, на Загородном, я увижу Сорежу, если вы хотите с ним переговорить, я у него спрошу, потом вам перезвоню. Как раз то, что он знает, вы хотите с ним поговорить, что он знает об этом деле, чего я не знаю. Поговорите. Там не то что школа, а просто они несколько комнат арендуют, классы внизу, это Загородный проспект, остановка у Пяти углов, чуть дальше по Загородному проспекту, где аптека, повернуть, идти по той же стороне, если отсюда ехать, потом свернуть, и прямо первая подворотня от угла. И он там заведом работает. Но им там обещают здание, и они уже знают, какое, площадь Александра Невского, но не там, где гостиница "Москва", а там еще один выход есть, и вот там какое-то здание, им это здание отдали, и его надо делать, не знаю, то ли строить, то ли ремонтировать, и вот с помощью там...

- В прошлом году?

- Да, 31 декабря. А ему уже 45 лет.

- А кто он по образованию?

- Ну, он это... занимался... у него как бы нет законченного высшего образования, в бридж играет. Хотя меня могли вызывать по разным делам, Валю Ковелева я знал, и Таню Осипову, и Сеню

Рогинского - ладно, он идет по этому делу, вот, но в качестве свидетеля меня по его делу, которое было, меня не вызовешь, То есть, были такие, они могли вызвать меня по нескольким делам, но они не делали этого, они меня как бы, они заранее, это не то что было как бы меня арестовали, вопросник там нашли, я уверен, это было задолго до моего ареста это все у них... то есть они эту операцию, то есть, я думаю, что у них это называется операция, начали разрабатывать задолго, потому что... А когда они поняли... Причем у меня была связь Егором Давыдовым, уже как-то, и /Бамилия нраб/ пытались как-то, помоему, через связь с Западом. А когда они узнали, что у меня еще и вопросник есть... Я уверен, что вся эта операция, как там она называется, я не знаю как, это было все заранее, и даже я уверен, что не за месяц, и не за два, и не за три, а раньше. Конечно, не тогда, когда я с Верой познакомился, но в общем... Я думаю, что у них надо спрашивать, они больше знают. Потому что мне один человек в Москве говорил Бамилии, он вообще-то ... А я у него в доме ~~жилищном комитете~~ останавливался один раз а он иногда выпивал-закусывал там с Юриком шишкой одним, и он сказал, что ему говорили, а он вообще этим не занимается, вот, говорил, что он ходит не то что с чекистами, но там... Говорят, что они хотят как-то завязывать, и вроде твоя Бамилия там и еще Егор Давыдов, а Егор Давыдов тоже в этом доме был, я как бы там в этом доме ночевал несколько раз, мне негде было ночевать, и там еще была одна моя знакомая хорошая, она с ним жила вместе временно в Москве, вот, поэтому, вот... И тогда я Егору сказал, это очень интересно, но дело в том, что не то что мы думали, что это враги, он человек-то какой, но слова-то

какие - если у КГБ есть мысли, что с фондом надо заявлять, это 80-й год, как-то так, или 79-й, самый конец, и при этом твой банишил там как-то мелькала, я не стал спрашивать, чего его спрашивать.

- А в фонде были объявления распорядителя и необъявленные?

- Был объявлен один только главный распорядитель.

- И все равно они все знали?

- Нет, ну то, что я знал, так это никто не скрывал. /и раз/ Быдно было, кто приходил, кто... кто все время выдавал деньги. Я выдавал все время деньги. Поэтому вот было ясно, что это я. Это никто не афишировал, но никто это не скрывал.

- А Хворович, как же он не был сразу арестован, как только его объявили распорядителем?

- А дело в том, в том-то сде и дело, за это никогда не арестовывали, за это не арестовывали никогда, ни разу, Алеху Гинзбург арестовали не за то, а за антисоветские книжки что-то там, но не за то. Дело в том, что за это не арестовывали, и можно-то арестовать не за то, а за антисоветскую агитацию и пропаганду, вот за эти книжки, которые я давал, а не за фонд. Не за фонд. В 1970-м за книжки, а 74-м - за то, что я данные по этому вопросу передавал. За участие в фонде - за это не садили. Потому что за это не могли судить, это как бы потому что Запад, Солженицын, его имя, они как бы не посмели, это же его деньги, не посмели это сделать.

- А вот в этой книжке первая браза, которая вас представляет "главный распорядитель какого-то там" и какая-то там браза. Значит, все равно в их сознании вы были не кем-то, а распорядителем фонда.

- Да.

- То есть подоплека основная - это фонд?

- Ну, как бы они понимали, что фонд сплачивает людей, безусловно, информация идет туда, они это прекрасно понимали, и им нужно было информацию эту как-то прекращать. Это их работа тоже, и они за это деньги получают, и премию получают, и за какие-то дела, хорошо сделанные, ну, это с их точки зрения, можно получить еще какие-то деньги, чин, пособие единовременное, я уверен просто. Я даже был на суде у Сени Рогинского, я вам не рассказывал? Он в школе где работал, учителем, вот там он когда он пытался отстоять это как-то, понятно, что это было невозможно, но сам факт этого суда, этого разбирательства судебного, это, конечно, было интересно, я думаю, что он для этого и был вынужден, что он не просто как-то смирился, все прекрасно понимают - да, да, да, а тут вот шла такая борьба. "Не могу молчать". Самое мерзкое, вот, когда, как говорят, ты по телевизору, это ты искренне был, нет, не искренне, это была игра, чтобы мне получить меньше срок, выйти на свободу скорей, чтобы опять заняться этим делом, вот о чем шла речь в записках. А если бы я еще много из себя не воображал, был поумнее, жил в камере той жизнью, которой в камере нужно жить, то, наверное, это получилось бы более или менее, менее грустно, чем получилось, вот как можно это сформулировать. А что касается эволюции, то я вот что должен вам сказать, что я все время, ну, не каждый день, и даже не каждый месяц, не каждую неделю, но мне часто снятся сны, что меня опять арестовали, , мне все время это снится, все время...

- То есть абсолютно иначе?

- Нет, не то, как это тогда было, а то, как меня снова арестовали, вот как бы. И потом вспоминаешь, что тебе приснилось...

Я там был, безусловно, я там был... я должен вам сказать, что там был еще такой момент, это не в смысле оправдания, но это было, и было у меня еще несколько лет - лет! - после освобождения. И даже после ссылки было. Я когда освободился, в '76-м? В '86-м. И у меня было года два или три еще после ссылки даже, у меня было такое как бы, во-первых - меня было вот что. Когда меня вели на допрос, все время, даже тогда, когда все уже, скоро на свободу, то есть, понятно было, когда на свободу, я этого не знал, я считал, что мне дадут лет 5-6, это я знал точно, ну, так я считал, я не знал, что меня... Вот, и... Они там, безусловно, еще и садисты настоящие, в смысле вот со всякими прихватами, вот, и вели меня на допрос, и первые дни, и потом, и не на допрос, в кабинете в первые дни был, дрожь такая была, причем ни у кого не было, и в камере у меня, мне даже некоторые, особенно один говорил, тебя, говорит, просто парализует, и больше ничего, и у меня еще года два или три было вот здесь, даже когда я из ссылки уехал, вроде как все, я через каждые это... надо спросить у мамы или у жены, она помнит это, через каждые где-то сорок секунд как судорога такая, во сне, и потом опять, и потом опять. И так вот час, два, дергаешься во сне. Это ведь, конечно, и вообще там были нерви, очень много всего этого накопилось, колилось, колилось, и это, видимо, был такой выход. Это, конечно, тоже... Это не значит, что те, кто не каётся, тот лежит, курит сигареты, и спокоен как не знаю... Ничего подобного, это у каждого все. Безусловно, у каждого. Я, конечно, там жил... Не то чтобы я

там вел себя неправильно, а я там или неправильно по... Я там очень много думал о воле, а это все, это 100%, особенно первый раз попал. Безусловно, это в какойто мере както сыграло роль, в том смысле, что это движение привлекло Запад, как тут пишут права человека. Конечно, потому что Запад оказывал какое то влияние на то, что происходило. Но, правда, не всегда, и трудно мне судить, скажем, какихто людей через это дело освободили. В Глобальном масштабе - я думаю, что нет. Это гражданская война, и что хотели здесь эти чекисты и коммунисты, то и делали. Поэтому так чтобы уж... это просто помогало людям, которые сидели, им, непосредственно уехать, или даже выжить некоторым. А так, чтобы движение оказалось... Я бы сказал, что страшно далеки они были от народа, во первых, этих людей страшно мало было, это те, кто читал книжки просто и передавал другому, ну, наверное, но и знаю, что деньги за это брали, то есть, так скажем, при желании за это... То есть трудно сказать насчет того, что... Я всегда к этому относился и отношусь вот сейчас вот... Я считаю, что тот был как бы не диссидентом, тот человек, который в первую очередь отстаивал свою личную свободу, если Гинзбург отстаивал в первую очередь свою личную свободу, а потом уже свободу... ее приходилось отстаивать, свободу, то тогда в первую очередь, то тогда это был настоящий правозащитник. Потому что если бы я отстаивал свою личную свободу, свои права, то этого бы не произошло, я думаю.

- А если нет? А если не свою личную свободу? Убеждения, идеи?
- Свои личные?

- Или какой-то группы?

- Группы? Я не знаю таких групп. Группа... Ну, разве что таких людей, с которыми мы вместе, и может быть, даже и сидят за те же дела. Народ - это совершенно иное все. Все эти идеи... Свободы... Он, во-первых, не знает, что это такое, еденициально, знает ли что такое свобода, те, кто этим занимался, так вот еще по большому счету. Смотрите, сейчас продают "Архипелаг Гулаг", лежит. Правда, стоит 100 рублей. Но знаете, сейчас 100 рублей - это не такие бешеные деньги. Ну, лежит. В магазинах, на прилавках, и никто его не расхватывает. Мне это казалось, не то чтобы это, народу это не надо. Видите, с идеями у меня очень сложно.

- Тогда вы то же самое думали?

- Тогда я вообще ничего не думал. Чего-то думал, но не помню. А, про народ? Нет, ну что-то там, вроде какие-то разговоры вообще, было что-то такое как бы вот взять и завести сюда огромное количество "Архипелага", и вот, скажем, так это пустить, потому что так нельзя продавать в ларьках, то что будет со страной? Ну, такие высказывали мысли, что все сметут, прочтя это, другие - что ничего не будет, поэтому как оказалось - ничего.

- Но ведь прочли уже после того, как начались какие-то изменения! Он же опять был разрешен сверху, а не...

- Ну, в журнале, Но ведь есть разница между тем, как вы читаете "Архипелаг" и я, или просто каким-то народом. Нет, я вообще знаю, что слово народ это я с трудом, конечно, говорю...

- Ну, с простым советским человеком...

- Ну, если он ничего не знал, не подозревал, значит, дурак был. Вот говорят, читают, что в 30--40-е годы мы ничего не

знали. Ну, что к вам взять, если вы ничего не знали? Как с вами после этого разговаривать? Вот что самое главное: это нравственное отношение к тому, что и тогда происходило, и сейчас.

- Идеи просвещения большинк масс владела вами?

- А чем я мог бы просвещать? Я, правда, печатал на машинке "Архипелаг Гулаг", вместе с моим знакомым мы перепечатали на машинке весь "Архипелаг". Была у меня такая мысль, что вот Евангелие надо перепечатать, Библию тоже.

- Пустить в самиздат?

- Ну да, а оказалось, что это мне надо было читать побольше, а не ему, народу. Кажется, что это как-то так, а в чем тут смешно. Я тут хотел купить "Архипелаг Гулаг", но дело в том, что мне сказали, что выдадут, мол, положено. Я получил "Гулаг", мне выдали, я сел и так смеялся - как получилось - я его никаку не читал. Я его перепечатывал, сами понимаете, что значит перепечатывать, я его не читал ни разу, а сейчас вот стал читать - хорошая книга. Вот вам еще небольшой сюжет про это.

- А как вы думаете, вы один такой, или были все же...

- Которые читали? Ну, трудно сказать. Я не читал его по той причине, что у меня его не было. Когда он у меня был, у меня не было времени его читать, физически, а потом, когда я освободился, мне не у кого было его попросить, его еще не издавали, когда он в журнале появился, то, я не знаю, он там весь или не весь, но весь, наверное, но может быть, а не весь я читал уже, ну, а сейчас он весь появился, сейчас он у меня дома, я его читаю. Это, конечно, смешно. Интересно, конечно, было бы спросить у этих...

- Весь этот суд, и все мое дело - это факт, с двух сторон. Это вообще был факт, бывает, что со стороны подсудимых это не факт, со стороны судьи, прокурора - это вообще, конечно, комедия.

- Валера, а не возникало мысли как-то ограничить круг своих знакомств, чтобы заняться самообразованием, я имею в виду - тогда?

- Нет, тогда как-то в голову не приходило сесть читать книжки. Надо было делать дело, а кто бы стал делать? Дело в том, что перед арестом я развел активную деятельность, я не помню, чтобы кто-то там стал активно заниматься. Причем перед арестом я знал, что меня арестуют, чувствовал просто, /ирзб/ увидел в черном, все равно, вместо того, чтобы сливать куда-нибудь в деревню, что бы я сейчас, конечно, сделал, если бы, допустим, это было бы по какому-нибудь другому делу, в кино это правду показывают, только почему-то они там на дно плохо ложатся, там их всех вылавливают очень просто, вот, нет, может быть, такие мысли и были, но всех мыслей я не упомню.

- А это сознание, что надо делать, откуда оно шло?

- Потому что там... да и, видимо, надо отдать кому-то должное, так как-то...

- Нет, с одной стороны, видимо, приятно...

- Приятно, а как же!

- Нет, мысль, что это просто надо делать?

- Видимо, этой мысли не было, потому что я просто это делал.

- Нет, если не я, то кто?..

- Нет, а никого просто и не было. А кому это можно было отдать? Нет, и еще был такой момент, что все, как правило, были семей-

ные, может быть, только Бори Митяшин, но у него, по-моему, были свои дела, он занимался распространением, как я понимаю, у него были свои дела. А я был как бы на месте, я был семейный, то есть, не семейный, не обремененный этими вот заботами, так что это в принципе было и нормально как бы. Тут, во-первых, если даже, скажем, арестуют, так скажем, ничего, другой на его место станет, а тут тем более семейный... И детишки тоже... Ну, я не знаю, в общем, как было. Понимаете, мне трудно вспоминать свои мысли, почему я делал. Ну, вот попробовали бы они отнять у меня это дело, я бы, допустим, обиделся, это я честно говорю. Никто отнимать не собирался, но как-то так это... Надо было, конечно, взять еще двух-трех человек себе просто в помощь, серьезно все... Серьезные люди этим просто не занимались. Вот Сеня, почему он этим не занимался, не то чтобы он просто боялся, что его, так скажем, заметят, а он просто занимался другим. А то, чем я занимался, я был просто функционером, грубо говоря, то есть, чем я таким занимался? Бегал раздавал деньги, передавал информацию, писал ее, это как, ее еще надо было мелким шрифтом писать, на это же время тоже, еще список фондовский, то есть, это было так много всего, что у меня вообще руки не доходили до много-го, то есть, я очень много на себя взвалил. У меня даже не было времени остановиться вот так вот и задуматься, что там надо как-то остановиться, или еще кого-то взять, но вот квартиру даже найти, чтобы там как-то сидеть и списками заниматься, это же, кто знал, что лет через восемь-девять все это откроется, ну, что можно будет свободно этим заниматься, никто же этого не знал, поэтому это казалось, что это на века, в

в общем, весь этот совдеп, все это такое.

- А не было мысли, что это делается потому, чтобы когда-нибудь всего этого не было?

- Нет, чтобы этого не было... Я делал это потому, чтобы предавать информацию эту гласности на Западеа любая информация о каком-то человеке, а очень часто это был человек... ну, не часто, но, в общем, были такие случаи, что это было очень важно. Челлопека, которого никто не знал, вот он где-нибудь особенно где-то из провинции, и вот он в зоне где-нибудь, даже, если, допустим, по уголовной статье его провели, за листовки или еще там, пусть он, понятно, если листовки в городе, он, конечно... одиночка, так скажем, мягко говоря, грубо выражаясь, но ведь все равно, эти все факты нужно гласности передавать, и поэтому, конечно, даже ради одного человека надо было поехать куда-то там может быть, понимаете, на это потратить массу времени. И потом еще, чем я пытался как-то заниматься, это как бы у меня и было несколько вопросников, вернее, списков фондовских, вот, допустим, освобождается человек, Михаил, как его, забыл, он по делу... Ну, допустим, тот же Гинзбург освобождается, я беру этот список, с кем он сидел? Вот он берет список, он его просматривает весь, вносит новые фамилии, если у меня их нет, новые данные, там, год рождения, образование, адрес, может быть, он знает, и потом он по возможности, дает как бы оценки людям этим, понимаете, что он за человек...

- Там есть графа оценок?

- Ну... что он за человек, если его можно оценить, допустим, написать - хороший человек, мягкий добрый, или там, ну не в смысле, что он сука, если он может дать оценку...

- Оценку деятельности?

- Оценку человека. То есть, специальной такой гравы не было, но просто внизу он мог это приписать. Я помню, один там сидел не помню, политический ли, но он много раз сидел по уголовке, у него кличка была очень интересная, он там приписал, (ирэб) кличка у него была, очень интересно. А потом там было... это всего три или четыре человека мне дали, вот там был один прибалт, вот это мне не очень понравилось, вот начал он это, я не знаю точного значения слова "националист", но вот как-то... Впервых, эму фонд не понравился - что это значит: русский общественный, что значит "русский"?

- А как фонд назывался?

- Русский. Я ему говорю - это вот к Александру Исаевичу лично, это его бабки, к нему лично и все вопросы, а мы работаем, у нас это не касается. Вот я ему так... Он очень обижался...

- Русский общественный фонд...?

- Да, так как-то. РПБ /большевиков/, нет, я не помню, как он там назывался точно. Поэтому и комнаты не было, машинистки не было, а с другой стороны, хорошо, что всего этого не было, потому что потом можно было и машинистку эту подвести, то есть, все это надо было как-то делать так....

- А сколько людей было в этом списке?

- Шестьсот примерно у меня было. По всей стране, это было на всех, но там кто-то уже освободился, но это было в общем.

- А на каком основании он составлялся? Только из устных источников или там из "Хроники"?

- Нет, из "Хроники", естественно, из "Хроники" тоже. Кто-то как-то, где-то... То есть, одному человеку это просто невозможно, там еще надо как-то бегать пешком, деньги раздавать, в Москву

ездить, да, насчет денег, они не всегда еще были, неудобно, вот мне много денег дали, я их раздал за три или четыре месяца, и все, и спасибо, и не видел больше, ну, вот этих родственников, потому что... Или мне там удобно было, или им там, потому что там, куда они эти деньги потом потратят - это их личное дело, тем более, что это деньги им были, лично им, то есть это было, деньги были, по-моему, детям и тем еще, кто маленькую пенсии получал. Нет, ну я помню, замотанность какая-то куткая была, нет, так нельзя, это так врач может работать в больнице, когда он сутками не уходит, но это врач тоже там, так себя, конечно, изматывать нельзя. В "Мастере и Маргарите" Воланд изображен как вполне приличный гражданин, не говоря уже о его товарищах, вообще очаровательные люди, серьезно, ну, вполне нормальные, но это все-таки литература, а это просто бес какой-то, причем гнусный совершенно, жуть какая-то, вообще, убить людей и еще хранить вещицы...

- Как быть с верой в себя, или это вообще какая-то химера?
- Вера это... Совесть это совесть, но вера... лично по себе могу... сейчас на данный этап могу сказать, вера - это стараться жить по этим законам, жить просто по ним буквально, каждый день не греша невозможно. В миру так просто, и не в миру тоже, потому что в монастыре там есть свои заботы, тьма своих забот, еще столько, что неизвестно, вот... Но вот бывает, что человек так живет-живет, все хорошо, а потом он вдруг узнает, что ему в монастыре надо было жить, а не в миру, а он и не знал этого, и все это получается только томление духа. А вот стараться не нарушать... Вера она требует усилия от человека, усилия какого-то, когда он этого усилия не предпринимает,

тогда его бес одолевает. Вот ему казалось, что он спасся... Вообще современному человеку в мире тяжело это все, очень много такого, что отвлекает. И вера без молитвы - это ничто, это одно словоблудие, вот это абсолютно точно. И вера - это настолько личное, по-моему, это когда у человека уже есть опыт духовный, почему вот эти старцы все... читаешь, так прямо потому что у них есть... не просто у них вера есть, а у них есть опыт духовный, они это уже пережили, как бы в себе, поэтому.... Вера, скорее всего, она, конечно, без молитвы, она пуста, а вот как научиться молиться.... Вера постоянно требует от человека этого, она требует усилия, ежедневно, ежечасно, при нашей мирской жизни это же, это не то чтобы невозможно, но это же очень тяжкое, одним словом. Вера это... вроде вера а ведь в хорошего она переходит так вроде они рядом, чуть ли не слиты, вера и хорошее. Человек себя на этом, конечно, должен уловить.

- А что является критерием?

- Ну вот это самое, внутреннее, потому что то, что внутреннее, я считаю, связано с Богом, это только через молитву, и опять же искреннюю молитву, значит, это человек должен сам чувствовать, а ведь он, к сожалению, часто не чувствует этого, а в него вселяется бес. Но бес точно, то есть это я... точно абсолютно. Поэтому я, книжка есть такая Иоанна Кронштадтского, как же она называется? Я ее, по-моему, как раз подарил, я не могу ее найти у себя дома, она у меня всегда лежала на столике, но потом я ее дарил, потом еще покупал, но она куда-то... Он так хорошо пишет о молитве! Причем так просто, как бы очень по человечески. Очень просто. О молитве.

Причем, если тебя сущаают какие-то мысли на молитве, мысли же это такое дело, что не то чтобы ниоткуда прибыли, я там не знаю, из позвоночника, то надо попытаться как бы не стыдиться этого, а наоборот, молиться, чтобы эти мысли как-то, мысли они разные могут быть, могут быть пустые там, или какие-то плохие, вот поэтому-то нам молитва и дана, что у нас эти мысли же возникают, и эти мысли надо стараться как-то, конечно, убрать. И, конечно, для того, чтобы молиться, для этого нужно усилие предпринимать, это самое главное, а усилия так неохота предпринимать какие-то. Ведь те, которые спасутся, а другие не спасутся, и те будут жить в раю, а эти будут мучиться, этого ведь не может быть в принципе, тоб есть тут что-то такое должно быть... Что вечная жизнь есть - это точно, другое дело, что каждому, может быть, будет дано по его вере, вот это тоже может быть, понимаете? Вот тот кто верит, допустим, что он будет потомперевоплощаться, пожалуйста, перевоплощайся, пока ты не достигнешь совершенства, а если какая-то религия этого не допускает, то, значит, этого не будет. А вот спасение - это такое дело, прямо скажу, эгоистическое, спасение. Это все как-то очень, так скажем, заподло, что могут спастись, а другие нет.